

Отд.

НАДЕЖНЫЙ
СПОСОБЪ

С. 1.222.053

X

тса
тса
3
М»,
олхо
4
в д

фа
ы
ри
всех
вр
дени
со
льн
дери
ш
добр
латить

ХОСНИ

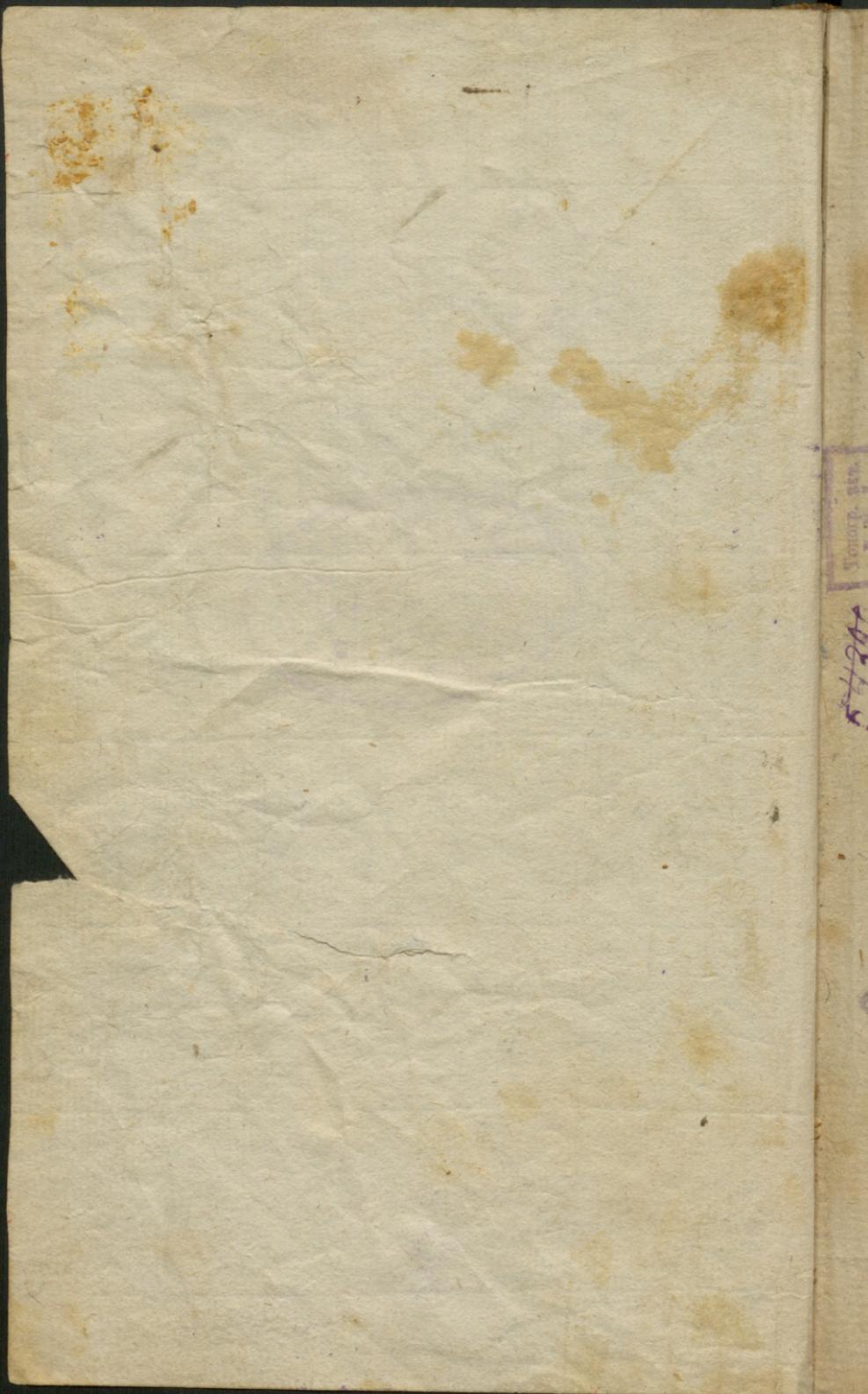
МХО
ЗНЬИ
IX O
еже
дин
ТЫИ
КО
19
313,5
или

1000

565

11

TOUR...
...

408

Изъ Библиотекы Вейскаго училища
№ 821. 821. 821.

НАДЕЖНЫЙ СПОСОБЪ

Достичь совершенства въ кра-
снорѣчїи и прочихъ свобод-
ныхъ наукахъ.

РОДИНО КНИГКИ

Переведенный съ Латинскаго языка

Казанской Семинарїи Префектомъ Раиф-
ской пустыни Игуменомъ

КАСТОРІЕМЪ.

Печатано при Аршиллерійскомъ и Инженер-
номъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ
издвѣніемъ Содержателя Типографїи
Х. Ф. Клеана.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1780 года.
ВИБРАТОРКА
Шифр
48074
Обнароу...

801
H-173
УЧ.
57304

8
H 172

НАДЕЖНЫ

СНОСОВ

Ассистент-счетовод и бухгалтер

ИЗДАНИЕ

1
С 1222033

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Содержание

Содержание публикации
Библиотека
им. В. Г. Балицкого
г. Свердловск

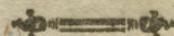
п
6
у
в
р
И
о
ж
о
п

НАДЕЖНЫЙ СПОСОБЪ

Достичь совершенства въ краснорѣчїи и
прочихъ свободныхъ наукахъ.

Я примѣчаю, юноши! что все ваше раченіе,
весь трудъ и неусыпное ваше къ ученію
прилѣжаніе къ тому единственно клочится, да-
бы чрезъ сіи, въ которыхъ вы ревностно и
усердно упражняетесь, благородныя науки, со-
вершенное получишь со временемъ въ красно-
рѣчїи искусство, яко въ верховнѣйшемъ знанїи.
И такъ когда я по повелѣнію властительскому
о краснорѣчїи, кое вамъ довольно прилично ка-
жется и любезно, на семъ мѣстѣ говорю
опредѣляю: но за излишнее и совсемъ зане-
приснойное почелъ предъ вами до небесъ воз-

носишь похвалами шоль доспохвальнѣйшую науку. А припомѣ, всѣ ея аки едиными устами превозносяшѣ, владычицею называя всѣхъ прочихъ наукъ : шоне сказалъ бы и мнѣ кто ни ешь изъ васъ шакже, какъ иногда Лакедемонянинѣ Аншалцидѣ нѣкоторому мудрецу, копорой просилъ его о высушаніи сочиненной имѣ рѣчи. А когда просилъ у него Аншалцидѣ, вѣ чемѣ ево соспоишѣ рѣчь ? Вѣ похвалѣ, ошвѣчалъ мудрецѣ, Геркулеса. Да кто ево ругаетъ ? спросилъ Аншалцидѣ, почиая за безумно и совсемѣ за невристойно на похваленіе шаккой вещи шеряшь время, копорая отъ всѣхъ изиднѣйшею признается. По чему я за благо рассудилъ вѣ шомѣ шолько свой трудѣ и шщаніе употребишь, дабы вамѣ ошкрышь пушь и показашъ способѣ, чрезѣ копорой вы можете не малое получишь вѣ краснорѣчій знаніе, нежели хвалишь сію науку, копорую всѣ похвалами превозносяшѣ и кѣ коей вы довольною воспламенены ревностію. Вѣ прошчемѣ хошя очень шрудно и почи не возможно достигнушь вѣ краснорѣчій швершенства.

*Не многи, коихъ бы доспойно Богѣ
любиль,*

*И за услуги ихъ вѣ небесный рай
селиль.*

Однако вѣ разсужденіи сего не унывать и ослабѣвашъ духомѣ, но всегда предшавляшь надле-

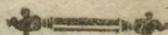
надлежишь въ мысляхъ своихъ, что нѣтъ такой трудности и невозможности, чего бы воспламенная ревность исполнишь не могла, и нѣтъ ничего столь глубоко сокрытаго естествомъ во что бы нищаніе и охота проникнуть не была довольною. Ибо помнѣнію фавіеву вѣдѣно есть нѣчто совершенное: и что самая свойственность человѣческаго разума къ тому влечется: что самое чрезъ трудъ совершеннѣе быти можетъ. Естество такъ успроило, что то, что изящнее и дражае, болѣе въ себѣ заключаетъ трудности. Но твердость и постоянство духа никакой трудности не боится а наипаче взглядомъ чести и славы, что называется наивеличайшимъ за добродѣтель издвоздаяніемъ, и на самаважнѣйшей трудъ пускаться не ожречется. И такъ для юности первѣйшимъ есть средствомъ къ успѣхамъ, веданію, что во всемъ трудъ ученія нѣтъ ничего столь темнаго, столь сокровеннаго, столь чуднаго, чегобы не могло человѣческое посигтнуть понятіе разобрать и оспрошюю разума покинуть; трудомъ ревностію и предѣжаніемъ превысишь, ежели при томъ надеждою себя ласкать будешь что онъ со временемъ чрезъ трудъ свой столь превосходное знаніе въ наукахъ и краснорѣчіи получишь имѣешь, что надъ всѣми прошчими совершенство и верьхъ возмешь. Ибо нѣтъ ничего столь для юности вредоноснаго и чтобъ столь сильно отъ благородныхъ

наукъ отвлекало, какъ непредувѣренность о
 возможности прямо бытъ ученымъ: она естъ
 язвою ума; она и самое храброе и дерзновенное
 сердце приводитъ въ слабость; она ревность и
 охоту къ ученію уменьшаетъ; она всѣ душев-
 ныя силы умѣряетъ; она на конецъ не только
 нерадивымъ и холоднымъ къ наукамъ, но и со-
 всемъ не прилѣжнымъ и отерашительнымъ его
 дѣлаетъ. А вопреки кого не ободритъ обна-
 деживаніе? кого не воспламенитъ извѣстная
 честь? кого невозжестъ явное достоинство въ
 чьемъ сердцѣ снраженія, ревности и охоты къ
 наукамъ, къ богатству и славы не произведетъ
 великое и извѣстное издодоздаііе? И такъ
 несомнѣнную должно имѣть надежду и непре-
 мѣнно вѣришь, что хощащему нѣтъ ничего
 шруднаго. И не надобно сомнѣваться, что сбѣ
 всякое предпріяііе человекъ не могъ испол-
 нить. Кто шакое мнѣнія, шотъ прямой и из-
 вѣстной имѣетъ путь къ наукамъ такъ, что
 ничего не можетъ сыскать шакое, чего бы
 взглядомъ ученія преодолѣть былъ не въ силахъ.
 Я вамъ любезные юноши! Шепрудной нѣкошорой
 и скучной способъ предложитъ намѣренъ
 къ успѣхамъ, но по возможности моей открьшь
 шот, чрезъ прилѣжное кошорого наблюдение
 всякъ изъ васъ вождѣльнаго и совершеннаго въ
 краснорѣчїи искусна удобно достигнуть мо-
 жетъ. Ибо желающихъ учиться не столько
 шрудъ отвлекаетъ отъ ученія, какъ извѣстная

шот ондого дашо, шобер и къ

къ ученію причина побуждаетъ и склоняетъ
къ шуду. Да не подумаетъ жестоко изъ васъ,
что я новыл и прежде сего неслышанныя пре-
длагаю вамъ правила. Ибо въ чемъ меньше
запруднения, какъ показать точной пушь и не-
извѣстную еще и непроходимую спезю опи-
крыть? Сія правила, кобыря мы предлагаемъ
уже давно, обнародованы и какъ бы предъ гла-
за предложены, который хотя въ самой вещи
таковыми сушь, однако весьма не многиа (что
ми въ удивительно) храня и наблюдающъ ихъ.
Три средства только соблюдаемы, прилжно не
только ведерчивымъ и вшитивашымъ, но и во
всѣхъ наукахъ прайсвуснымъ могушь училишь,
изъ коихъ первое и самовужное есть вниманіе,
второе чтение, третие писаніе или выписка.
Сія тройственностъ такъ между собою сопря-
жена, что никакимъ образомъ распоргнушою
быть не можетъ: сіе тройственное число со-
вершенство и пѣлко божественностъ въ себѣ
заключаетъ. Ибо ничего не можно писать о
помѣ, что чрезъ службили членіе неприобрѣ-
шено, ниже къ прѣобрѣщенію учености и крас-
норѣчія слышаніе и чтение довольно способ-
ствовашь можешъ безъ выписекъ. И такъ ког-
да о сихъ шрехъ вещахъ порозь предложимъ
намѣряюсь, то проиу у васъ какъ и прежде бла-
госклоннаго вниманія.

Чувствво слышанія (о чемъ мы во первыхъ
говоримъ будемъ) на томъ конецъ намъ ешо

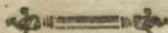
естества дано, какъ славнѣйшіе ушверждаютъ
 мужи, дабы чрезъ благородныя и способныя
 науки, копорыя мы слухомъ перенимаемъ,
 получить себѣ великое знаніе. Изъ веѣхъ чувствъ
 олинъ слухъ къ просвѣщенію разума и къ
 пронцанію во многія вещи особенно служимъ
 чѣмъ самимъ бываемъ, что и самыя безглазыя,
 какъ Аристотель въ книгѣ о чувстввахъ пи-
 шеть, и опъ самага рожденія будучи слѣпыя
 разумнѣйшими бытъ могуть, нежели шѣ ко-
 торыя глухими и нѣмыми родились: ибо слухъ
 гораздо болѣе намъ къ премудрости и зна-
 нію вспомошествоуетъ нежели, видѣніе; а
 сіе опшуда можно познашь, что хошя-
 бы мы во ученіи и успѣли, однако всякая
 вещь яснѣйшею и извѣстнѣйшею намъ бываетъ
 чрезъ слухъ, нежели чрезъ чпеніе. Ибо
 не безъ причины споль превозносили
 древніе живое слово, потому что самая рѣчь
 учащаго, наукъ и искусствъ аки душа.
 Хошя довольно примѣровъ къ подражанію
 и изъ чпенія по мнѣнію Фабіеву почер-
 пнуть можно: но живая она, какъ называютъ
 рѣчь, а наипаче учительская болѣе и совершен-
 нѣе питаетъ разумъ. Хошя бы ты чрезъ чпе-
 ніе что ни ешь и понялъ: однако глубже все-
 ляется въ понятіе то что, чрезъ произноше-
 ніе, чрезъ видъ, чрезъ сановитость, чрезъ шѣ-
 подвиженіе говорящей представляемъ. Что
 самое великій оный православіл нашего побор-
 никъ

никъ Геронимъ сими словами подтверждаетъ : не знаю какое скрытое дѣйствіе въ себѣ имѣетъ живое слово и въ слухъ ученика устами учителя произнесенное шверже разитъ. Сіе и попому еще извѣстно , что наипрѣятнѣйшій Вишій Исократъ своего Демоника къ прилѣжному вниманію склоняетъ, совершенно вѣдая , что для молодого юноши ни что полезнѣе быть не можетъ, какъ чтобъ въ слушаніи чесныхъ наукъ больше старанія и времени употребить. Сіе шѣмъ удобнѣе бываетъ, что въ чемъ сами наставники , чрезъ долгооременное стараніе , чрезъ великія и неусыпныя труды успѣли : шому будшо бы въ минушу времени умѣреннымъ вниманіемъ и безъ всякой трудности научить ся могутъ, которыя прилѣжно слушающъ. И шакъ кто желаетъ совершенно быть ученымъ, шому за первѣйшій долгъ себѣ почитать надлежитъ прилѣжно внимать. Въ чемъ все свое заключая ушѣшеніе, никогда бы въ чтеніи или писаніи не прашилъ времени , ежели онъ имѣетъ случай у разумнаго какого ни естъ наставника учиться. Ибо несравненно полезнѣе юношѣ ошъ премудрыхъ мужей слушать, нежели читать или писать, наипачежъ пошому, что къ чтенію и писанію много бываетъ случаевъ ; а слушать у разумнаго наставника весьма рѣдко удаешся.

Ежелибы превосходнѣйшій и остроумнѣйшій изъ всѣхъ Акбомудрцовъ Аристошелъ ,

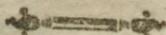
сей слушанія навѣкъ предъ всѣмъ шѣмъ, что до ученія надлежитъ, не признавъ за наимолевнѣйшій: то бы онъ конечно убожественнаго онаго Платона чрезъ двадцать лѣтъ не слушалъ шоль неослупно, что ни единого его чиненія не опускалъ безъ вниманія, развѣ важнѣйшими занятіи будучи дѣлами. Деволъво изъ исторіи извѣстно, что всѣхъ изъ шѣхъ, кои въ какомъ либо ученія родѣ прославлены, наиблаженнѣйшимъ былъ въ слушаніи. Кто ни вѣдаешъ, что самъ Платонъ, Пифагоръ, Демокритъ, Анаксагоръ, и другія премногія въ разныя и далеко отстоящія страны не ради иной какой причины путешествовали, какъ чшобъ у различныхъ учителей бышь слушашельми. Но коль удивительнымъ воспламенѣнъ былъ желаніемъ къ слушанію Евклидъ Сократовъ: Онъ ради ево неусумѣвался ежечасно подвергать себя въ опасностъ жизни. Ибо когда Аѣинцы опредѣлили, чшобъ никшо изъ Гражданъ Мегарскихъ не ходилъ въ Аѣины подъ опасеніемъ лишенія головы: Понеже Аѣинцы чрезвычайную имѣли независъ къ жителямъ Мегарскимъ: однако Евклидъ, урождѣ будучи Мегарскій, которой прежде того ихъ опредѣленія, ежечасно и бышь въ Аѣнахъ и слушашь Сократа имѣлъ обычай, какъ шолько услышахъ объ ономъ ихъ учрежденіи, то въ сумерки надѣвши длинное женское плашье и въ разкоцвѣшную облекшись спанчу, покрывъ голову,

лову, изъ дому своего въ Мегарахъ, вышедши къ Сократу, въ Афины ходилъ съ шѣмъ, чинобы хотя въ ночное время учасникомъ бытъ его рѣчей и совѣтовъ, и обратно передъ свѣтомъ не менѣе двадцати тысячъ шаговъ въ той же одеждѣ возвращался. О чудной человѣческой слабости! о невѣроятной, къ учению ревности! Ибо коликое думанье надобно, то къ знанію желаніе, которое чловѣка въ родѣ своемъ значаго отъ ночнаго упокоенія, отъ домашнихъ боговъ, чрезъ столь далекое разстояніе къ слушанію одного только чтенія въ опасностъ предъ очи представленную привлекало. Возможно ли сыскашь въ наши времена шакого, которой, я ужъ не говорю о томъ, чтобы на подобную опасностъ себя спважилъ, но которой бы хотя нѣсколько далечайшей сего путь предпріяшь похощалъ, или предъ свѣтомъ вснавая къ учителю какому, вѣбудь, славнѣйшему въ прошчемъ и ученѣйшему, для слушанія ходишь не полѣнился? А по сему то и вѣшь вы малаго удивленія, что въ наши времена Платоновъ, Аристотелевъ, Евклидовъ совсемъ сыскашь не можно. Они ради слушанія весь почти шаръ земной обшекали; а мы икъ своимъ согражданямъ ученымъ для слушанія пришши за прудъ себя спавимъ. Они не чрезъ шесть или осмь, но чрезъ двадцать лѣтъ у одного учителя были слушателями; а мы ежели двадцать только чтеній выслушаемъ,

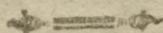
то уже и кажется намъ, что и самого учителя въ знаніи превосходимъ. Они не оспракились подвергать себя опасностямъ жизни: только бы чему нибудь достойному примѣчанія наслушались: А мы и въ самое то время, когда учителя намъ изъясняютъ какое сочиненіе, или мыслями нашими внѣ училища спрашиваемъ, или, что гораздо хуже, слушающимъ препяшствуемъ, и шѣмъ самимъ безпокойимъ учителей. Но премудрѣйшій Пифагоръ совсѣмъ иначе за благо разсудилъ насъавлять юношество: онъ за невозможное спавилъ безъ навыку къ слушанію дѣлаться ученымъ. И для того прежде всего юношей, кои къ нему приходили, для наученія къ молчанію и вниманію приучалъ и то не въ одинъ или другой день, но чрезъ долгое время: никто изъ его учениковъ мене двухъ годовъ въ молчаніи не былъ и молча слушалъ отъ другихъ сказываемое, и во время молчанія и вниманія слушатель оный назывался, яко приучонный къ слушанію. Но какъ навыкнушъ уже юноши прудвѣйшей наукъ сей молчать, то есть и слушать: то имъ; позволялось и говорить и спрашивать, чему они наслушались; при томъ пишеть и свои мысли изображать. Сіе обыкновеніе Пифагорова не всѣмъ нравилось въ разсужденіи того, что чрезъ толь немалое время привуждалъ онъ юношей бытъ въ молчаніи: Однако въ томъ всѣ безъ изъятія согласны, что внима-

ніе

нїе всего полезнѣе. Что когда испинно : то къ тому только внимательнѣе приклоняеть должно слухъ свой, что для пользы и честности говорится : дабы ничего не опустишь, что намъ служишь можеть нѣкошороку пользою, подражая несравненному шцанію краснорѣчивѣйшаго М. Антонія, который о способѣ слушанія по похвалы достойно написалъ, что онъ никогда такого не слушалъ, чтобы не стоило примѣчанія и швердаго знанія, а мы, о боже! гораздо внимательнѣе слушаемъ пѣсни бродящѣ, и пустыя и шуточныя и смѣхошворныя басенки, нежели ученѣйшихъ мужей важнѣйшія разсужденія, хотя же когда и придетъ намъ на мысль ишши въ училище : то мы въ него не ради просвѣщенія разума, но какъ бы на театръ и на зрѣлище игрѣ, ради одного увеселенія только ходимъ, не взирая на правило премудрыхъ мужей, что не инако въ училище ходишь надлежишь, но какъ въ священной нѣкакой пирѣ, спокойнымъ и радостнымъ духомъ и ученіемъ пишаешь разумъ, что едино наиприятнѣйшею естъ его пищею. Въ семъ случаѣ смотрѣшь надобно на пчелъ, кои со всѣхъ цвѣтѣвъ шѣ только соки, которые къ составленію меда и воска пошребны, рачительнѣе высасывающѣ; а бесполезныя оставляютъ : подобнымъ образомъ и мы то съ наивящшимъ вниманіемъ замѣчать должны, что нашему знанію приращеніе здѣлашь можеть; а что не весьма полезно отъ учителя

пре-

предлагается, но упущать безъ замѣчанія; и чтобы никогда отъ слушанія безъ всякаго плода не отставать. Ибо недовольно того, чтобы только внимателью слушать, но по окончаніи слушанія представлять должно въ мысли своей слышанное, чтобы плодъ нашего вниманія былъ извѣстнымъ, и увѣрены были мы о нашемъ успѣхѣ. Когда ты умоешься или обрѣешься въ циркуль, говоришь Плутархъ, то не посмотришься ли по обыкновенію въ зеркало, дабы узнать пригоже ли спалъ послѣ умыванія? для чегожь ты равнымъ же образомъ въ училищѣ не поступаешь, дабы послѣ слушанія разсуждашь: разумѣе ли ты спалъ отъ предложеннаго тебѣ чтенія! Подумай, что дѣлаютъ новоучащїеся на шпагахъ бившїе. Они не только въ присутствїи фехтмейстеровъ упражняются въ поворотливости, но обнаженнымъ рапиромъ сами между собою усилненно тѣже дѣйствїя повпоряютъ. Ибо иначе никогда не могутъ быть искусными на шпагахъ бившїе. Равнымъ образомъ и тебѣ поступать надлежитъ, дабы не только слова училищескіе прилжно слушать, но чтобы послѣ того немедленно хвататься за книжку, и что разумно и съ ясностію было сказано, на память себѣ приводить. Потому, что память наша весьма слабою есть и поползновенною, на которую никогда твердо полагаешься не должно. Самое то, что мнишся тебѣ твердымъ быть въ умѣ

умъ швоемъ, безъ ежечаснаго въ разсужденіи повпоряду, обыкновенно изъ памяти выходящъ; съ какою скоростію и удобностію забывъ, можно шо, о чемъ однажды только слышалъ: ежели не будешъ въ мысли и разумъ швоемъ представлять? Повѣрь, что не безъ причины премудрый (Филосовъ Платонъ на многихъ мѣстахъ сіе швердилъ присловіе: дважды и трижды повторяшь ешь полезно. Божественный сей Мужъ совершенно вѣдалъ, что никакое благо долговременнымъ бытъ не можетъ, ежели безпресшаннымъ разсужденіемъ онаго себѣ не привлекашь; зашѣмъ, что никакое въ насъ не можетъ бытъ знаніе; ежели не чрезъ налогъ: какъ философы говорятъ: шо есть ежели не чрезъ долговременное упражненіе шакъ, шчобъ изъ мысли и памяти нашей не могло вышши. Но поколику налогъ какъ учащъ мудрецы не отъ одного или другаго, но отъ ежечасно повшоряемыхъ дѣйствій приобретаешся: для шого я за первѣйшій почишаю долгъ юности, которой посвяшилъ себя наукамъ, дабы крайнее свое штараніе употреблять въ слушаніи; и дабы достойное примѣчанія или выписывать для будущей потребности, или, что и наишаче, шодль швердо въ памяти вкореняшь, дабы впредь никогда забвеннымъ бытъ не могло. И сей шо на послѣдокъ есть первѣйшій и самонужнѣйшій къ успѣхамъ способъ. Слѣдуетъ второй не менѣ полезный и надобный, но болѣе шребуемой штруда и штаранія; дабы шо ешь въ чтеніи увражняшся. Хо-

Учѣна слушаніе, какъ выше показано, весьма полезно и нужно: однако одно оно учинишь совершенно ученымъ не довольно, но во всегдашномъ и различномъ обращаньи надлежитъ чтенію, въ коемъ мы иногда получаемъ успѣхъ: когда изъ долговременнаго въ слушаніи навыка достойныхъ писателей сами собою станемъ разумѣть. Къ чему такое пошребно шцаніе, которое вездѣ похвалу заслуживаетъ. Ибо и самое чтеніе бесплоднымъ бываетъ безъ прилѣжанія и вниманія. Не рѣдко случается, что самонужное и полезное чрезъ нерадивое чтеніе безъ всякаго оставляемъ замѣчанія. Ибо въ поже самое время, въ которое мы читаемъ смыслъ писателя, взятое предложеніе, изобрѣшеніе доказательствъ употребленіе словъ и вещей, важность мнѣній, сановитость рѣченій примѣры, подобія и всю украшеніе слова невозможно вдругъ сообразить и примѣнить. Почему весьма шѣхъ совѣтъ справедливъ, которые обыкновенно приказываютъ, чтобъ знаменитыхъ писателей не однократно читать за шѣмъ, что въ сочиненіи славныхъ мужей по удивленія достойно, что чѣмъ чаще читать, шѣмъ онѣ часу болѣе приятности почерпнуть и полезнѣйшаго въ немъ сыскать можно. И такъ когда мы прислушаемъ къ чтенію неизвѣстнаго какого писателя: то впервыхъ какъ бы сквозь пальцы всего его прочитавъ должны, а ежели на многія томы онъ раздѣленъ: то

преж-

прежде должно первую книгу до конца прочитать,
 потомъ опять начавъ съ начала все его дока-
 зательство уразумѣть, и какимъ порядкомъ
 онъ велъ порознь разобрать: дабы когда слу-
 чился намъ въ чтеніи егожъ или подобнаго
 ему сочиненія упражняться, извѣспной имѣшь
 могли способъ подражанія. Но что бы отъ
 чтенія не одну мы получали пользу: то когда
 читаемъ въ готовносши имѣшь перо весьма нуж-
 но, дабы, ежели встрѣшишься какое значное
 слово, новое рѣченіе, пріятное виліеваніе, важ-
 ное мнѣніе, ясное размноженіе, достопамятная
 испорія, разумное подобіе, изрядное правило
 и прочая, наирачительно выписывать и къ
 общимъ нѣкоторымъ источникамъ своимъ ихъ
 присовокуслять. И по сему когда потребно бу-
 дешъ, безъ прудности употреблять оныя вы-
 писки можно. Такимъ подлинно образомъ всегда
 поступали и нынѣ поступають ученые мужи,
 что во всякомъ родѣ чтенія выписываютъ то,
 что ко приращенію ученосши служишь нѣ-
 како можешъ. Ибо кому не извѣсно Плинія
 новокомскаго прилѣжаніе? Онъ толикою воспла-
 ненъ былъ къ чтенію рѣвностію, что и стоя и
 сидя и дома будучи и въ пути всегда что ни ешь
 или самъ читалъ, или другому читающему
 внималъ: сіе утвердительно по оному прему-
 драму его изрѣченію: все то время тщетно,
 кое не въ ученіи препровождается. Онъ мно-
 гія шысящи книгъ читавши ни одной такъ

не пропустилъ, что бы достойное примѣчаніе
 не выписанъ: понеже ежегда сегоговаривалъ,
 что нѣтъ ни одной поль худой книги, которая
 бы хотя нѣсколько не заключала въ себѣ пользы.
 Что думали прежде его Платонъ, Аристоте-
 лъ, Цицеронъ, и другія безчисленные премуд-
 рые мужи, которые все почти свое имѣніе
 на поупку книгъ испощали. Платонъ, ко-
 торого почитали за несвѣдѣна достаточнаго чело-
 вѣка, при книги Филолая Пифагорова за де-
 сять тысячъ денаріевъ купилъ: въ прощамъ
 повѣстствуютъ, что ему сию цѣну другъ его
 діонъ Сиракусскій подарилъ. Такъ же пишущъ
 о Аристотелѣ, что онъ небольшія книжки
 Спевзиппа Филозофа послѣ его купилъ за три
 таланта Аппическихъ, которые составляютъ
 число тысячи восьмьдесятъ золотыхъ. Цицеронъ
 самъ о себѣ свидѣтельствуетъ что, онъ и сама-
 го Красса превзойдя богатствомъ всѣхъ опчины
 и земли пренебрегъ бы: только бы имѣть могъ
 великое множество книгъ, а на другомъ мѣсцѣ
 пишучи къ Аппику библіотеку говоритъ, свою
 пожалуй никому не уступай, хотя бы и чрез-
 вычайнаго нашелъ ты пріятеля. Я всѣ свои
 книжки для того храню, дабы въ старости
 было откуда получишь увеселеніе. Такая по-
 въ сихъ мужахъ была къ чести охота, что
 ни въ чемъ другомъ болѣе увеселенія не приз-
 навали! по чему ни одного къ тому способнаго
 ни дневнаго, ни ночнаго времени не спрашивали:

Въ а Римско... да

1822
 502
 1822

В. П. М. А.
Библиотека

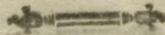
да еще и тогда, когда другими должностями заняты были, порожние некошорые часы отъ прочихъ упражненій какъ бы урвать спарались, дабы между тѣмъ что ни естъ прочитать и замѣшпнь. Повѣшствуютъ о Капонѣ большомъ, что онъ въ глубокой будучи спароси Греческому языку желалъ научиться. Его достохвальная оирасль меншій Кашонѣ поликимъ къ ученію горѣлъ желаніемъ, что и въ самомъ судебномъ мѣсцѣ при собраніи Сената не могъ себя удержатъ отъ чтенія Греческихъ книгъ. Но неизчешно было бы примѣровъ, ежели бы порознь представить жарчайшую и почти непрерывающуюся къ чтенію охоту преславныхъ въ древоспи мужей. И такъ кто желаетъ славы ихъ и достоинства достигнуть; тошъ подражашелемъ долженъ быть ревности и трудамъ ихъ. Въ прочемъ тѣмъ самимъ и вамъ слушатели не приказываю, въ сіи ваши молодые лѣта всѣхъ безъ разбору читашь писателей: пусть ето останешся до зрѣлаго возраста. Всякія читашь сочиненія тѣмъ только надлежитъ, которые довольно и съ успѣхомъ въ слогъ упражнялись: а вашему возрасту сіе непристойно, бесполезно: вамъ выбирать должно превосходныхъ писателей и надъ ними трудитесь и пошѣть дабы Римскаго разговора чистому и изящесно, что весьма въ рѣдкихъ писателяхъ найти можно, въ юношесствѣ еще нашемъ Брнобрѣтень. Ибо ежели въ цвѣтущи

44475
502281
с

071 Б

Государственная публичная
Библиотека
им. В. Г. Балинского
г. Свердловск

Область Курганская

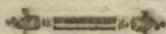

шихъ вашихъ лѣсахъ Вишневатою изобиліе словъ себѣ не получите: по повѣрьте мнѣ, что напрасно вы о томъ спарашься на конецъ имѣете. И такъ вы, кои краснорѣчивыми быть желаете, двоихъ наипаче изъ Латинскихъ писателей для чтенія изберите, Кесаря и Цицерона; двоихъ такъ же изъ Греческихъ Исократъ и Демосѣна; надъ ними вы пошѣйте, надъ ними всѣ силы свои роните, каждое въ нихъ слово замѣчайте; рѣченія ихъ, порядокъ и правило Вишнействованія на память выучайте; ихъ на конецъ такъ шѣсно къ себѣ присвойте, что ежели о чемъ ни есшь или по гречески говорите или пишете примешь: по непременно бы тамъ или изъ Кесаря или изъ Цицерона въкопороу родъ вишнейства находился; или бы Исократово или Демосѣново сіяло краснорѣчіе. Сии Латинскіе и Греческіе писатели на всякой почтѣ родъ рѣчи довольно обильную вамъ подадутъ матерію и всегда непременно изобилуванъ можетъ шѣ словами, кто придерживается Кесареву и Цицеронову сочиненіямъ. А кто хорошо знаетъ Исократъ и Демосѣна; шѣ приятностію и важностію слова безсомнѣнно упоенъ. Но къ сему требуется много упражненія, долговременное спараніе, прилѣжное и почти непрестанное чтеніе. Чшо жъ? скажетъ кто: какъ шѣль многихъ другихъ и шѣликихъ писателей съ презрѣніемъ оставишь должно;

жно, дабы только въ двоихъ сихъ латинскихъ полагашь свое стараніе? Никакъ! Но кто изъ васъ зрѣлый имѣя разсудокъ различашь можешь вещь отъ вещи и рѣчь отъ рѣчи: то я шому не запрещаю всякаго читашь писашеля, а попревосходной мѣрѣ изъ тѣхъ, кои во время Августа Кесаря или прежде того жили, пошому что тогда процвѣталъ еще Латинской языкъ. Чего для съ охотою желалъ бы я тѣмъ, кошорые нѣкакой въ наукахъ уснѣхъ получили, не токмо читашь оныхъ писашелей; но, ежели можно, и наизустнъ выучашь. Но понеже всѣмъ имъ, наипаче въ сей нашей наукѣ краснорѣчія, подрашашь мы не въ сосшояніи: по шой по причинѣ двоихъ оныхъ вышерѣченныхъ, яко предъ всѣми преимущественнѣйшихъ писашелей изберемъ, коимъ, не выпусая никогда изъ рукъ краснорѣчія послѣдовашь, и выучиваніемъ наизустнъ вселяшь ихъ въ знаніе свое всемѣрно подшмися: а прочихъ хошя и всѣхъ, со всевозможнымъ прилѣжаніемъ читашь будемъ: однако неради подражанія, развѣ что попадется хорошее, дабы тѣмъ самимъ изъ разнаго чтенія швердое намъ получишь знаніе. Ибо ошкровенно признашья, ежели кто въ чтеніи одного только Кесаря и Цицерона упражняешья ошвергнувъ всѣхъ другихъ премудрыхъ писашелей (какъ я многихъ знаю), пошѣ по справедливости никогда не можешь бышь въ числѣ ученыхъ. Хошя бы онъ и изрядное, ка-

залось искусство имѣлъ въ краснорѣчїи: но ежели прилѣжнѣе вникнуть; то въ его рѣчи никакой силы, никакой связки, никакого швердаго наспавленїя и никакой напоследокъ учености, но красивыхъ только словъ собранїе и пустой нѣкакой съ прїятностїю звукъ представился. Чшо явно видѣнь можно на Христофорѣ Ланголіи, почитаемомъ за подлиннаго Цицеронова подражателя, кошорой кажешся, чшо не пчеламъ изъ соковъ цвѣтныхъ самолучшїй медъ составляющимъ, но дѣвушкамъ изъ однихъ цвѣтовъ вѣночки свивающимъ подражалъ. И такъ по мнѣнію Фабїеву всякой родъ сочиненїя читать надлежитъ, но подражать самолучшимъ. Ибо изъ познанїя вещей состоятъ и украшенною должна бытъ рѣчь, чшо развѣ чтенїемъ многихъ писателей соспавить можно. Почему изъ другихъ сочинителей знанїе и ученость; а изъ Кесаря и Цицерона искомое нами прїятное и нѣжнсе краснорѣчїе почерпать должно. Но третїй и послѣднїй долгъ учащагося юноши состоятъ въ томъ, дабы довольно со вниманїемъ наслушавшись и множеству изрядныхъ словъ и мнѣній изъ слушанїя и различныхъ книгъ чтенїя довольно навыкши, со всемъ шщанїемъ писанїя начиналъ и въ дѣйство и употребленїе приводить шо, чшо онъ прежде сего понималъ. Тѣ же заслуживаютъ похвалы, кошорыя спараются о слушанїи и чтенїи очень скоро и слѣдшвенно не-

благовременно писать принимаются; потому ихъ не яко постоянныхъ, и совершенныхъ изчадїи, но яко безупныхъ, и (по Платонову) въспреницъ отсылать надлежитъ. Ибо какое мотушъ искусство въ писанїи показашъ шъ, комниже отъ слушанїя, ниже отъ нѣмыхъ (какъ говоряшъ) наставниковъ чрезъ долговременное прилѣжаніе довольно не научились? Видѣшь можно въ наши времена нѣкоторыхъ людей, кои учеными и знающими сльвуть, шоль леккомысленныя, шоль сухїя сочиненїя, что кромѣ словъ однихъ ничего добраго въ нихъ не сыщешь, ни исправнаго смысла, ни древности, ни учености, ниже наконецъ опмѣнности отъ просопоароднаго знанїя. Сїи шо суть, по слову Горациеву, стихи бездѣльные и враки громогласныя. По истиннѣ безъ довольнонаго знанїя вещей суешно есть и посмѣянїя достойно обилїе рѣченїевъ. Ибо что бышь можешъ, говоришъ Цицеронъ, шоль вздорно, какъ пуспой и никакимъ мнѣнїемъ и знанїемъ неупвержденной звукъ рѣченїи, хошя въ прошчемъ изыщныхъ и вишеваешныхъ. Того ради снискашь во первыхъ надобно слушанїемъ и чтенїемъ знанїе многихъ вещей: потомъ изрядно и разумно писать. Ибо откуда изобильная и израдная обыкновенно происходитъ рѣчь? не отъ единой ли премудрости? коль справедливо, поемъ Венусїй стихотворецъ пылкїй:

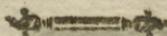
Началомъ мудросши, есть правиль-
но писать :

Материю себѣ въ Сократѣ можно
взять ;

А оную сыскавъ, не трудно словъ
прибравъ.

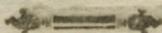
Но при томъ и Сократово обыкновенное слово достовѣрнымъ почитать долженъ ораторъ, что всѣ въ томъ, что знаютъ, довольно краснорѣчивы. По чему никто не долженъ уповать, что онъ нѣчто достойное великой похвалы сочинить можетъ, ежели ничего наизусть прежде не учивалъ. Но сіи двѣ вещи такъ между собою союсно сопряжены, что одно безъ другаго совершеннымъ быть не можетъ. Ибо никто красиво говорить или писать не въ состояніи, ежели въ понятіи и знаніи своемъ ничего неимѣетъ: равнымъ образомъ, хотя бы кто довольно выучилъ, слушалъ, читалъ; но если не упражнялся въ сочиненіи и сказываніи во многое время: то не въ силахъ того, что совершенно ему извѣстно, исправно словами представитъ. Но сколь полезно къ приобрѣщенію искусства въ краснорѣчїи долговременное сочиненіе: то истиннѣе никто лучше и явственнѣе изобразить не могъ, какъ только Крассъ мужъ оный особливаго и превосходнѣйшаго краснорѣчїя у Цицерона сими словами выразилъ: мы само-
нуж-

нужнѣйшее, справедливо сказать, несъма за мало почитаемъ: ибо великаго стоишь труда, коего многи изъ насъ отвращающся, довольно сочиняшь. Слогъ наилучшимъ и превосходнѣйшимъ есть пушеводителемъ къ краснорѣчю и наставникомъ. И подлинно Ибо ежели нечаянная случайно назначенная рѣчь разсужденіемъ и вымысленіемъ совершается. А сіе самое всегдашній и прилѣжный слогъ конечно учинишь совершеннѣйшимъ. Всѣ мѣста, которыя только могутъ принадлежать къ тому, о чемъ мы пишемъ, чрезъ прилѣжное наше изслѣдованіе и проицапельство разума явными бывающъ и исвѣстными по тому всѣ мнѣнія и всякія слова, а наипаче чисныя, которыя въ порядокъ приводишь слогъ, и употребляешь надлежишь: и сіе самое согласіе словъ не стихотворческимъ, но Висшійственнымъ нѣкакимъ числомъ и порядкомъ совершенное въ сочиненіи будешь. И сіе то есть, что заставляешь хвалишь и удивляешься великимъ Орашорамъ. Но сего ни кто достигнуть не можетъ, хотя бы и безмѣрно обращался въ случайныхъ рѣчахъ, ежели довольно и чрезъ многое время не сочинялъ. А кто навывкувъ сочиняшь, говоритъ примешся, то шакое имѣешь уже искусство, что хотя и случайно о чемъ говоришь бы привелось: то слова его подобными кажутся сочиненіямъ. А когда въ рѣчи изъ сочиненія что включишь, то и по пресѣченіи того рѣчь казаться будетъ

дешь подобна сочиненной. Какъ разбѣгшейся ко-
рабль, хотя бы и перестать грести, имѣетъ
свое движеніе и теченіе и безъ побужденія ве-
селнаго: такъ и рѣчь хотя и недоспавало къ
ней сочиненнаго, однако можетъ продолжаться
подобно сочиненной. И такъ кто бы изъ васъ, о
юноши! узнавъ изъ сихъ краткихъ словъ поль-
зу всегдашняго сочиненія не былъ ревностнымъ
рачисельнымъ, прилѣжнымъ, воспламененнымъ
и не усыпнымъ въ сочиненіи: хотя съ начала
каждое дѣло шруднымъ и почи не возмо-
жнымъ кажется. Однако чрезъ налогъ удобнѣй-
шимъ на конецъ бываетъ и легчайшимъ. Но
въ сочиненія шо наипаче примѣчашь надлежитъ,
дабы не все шо, что наразумъ придетъ, упо-
треблять: ибо сочиняющему на мысль много
приходитъ и такого, что или неважное или
неприличное или не ясное, суровое и ни ка-
кой красотости не имѣющее. Все сіе должно
отбрасывать, а шолько благонадлежащее къ
нашей вещи и во всемъ ясное употреблять.
Должно, наблюдать выборъ вещей и словъ, да-
бы причины и доказательствъ къ подтверж-
денію предпріянія нашего служація всячески
вымышлять и изыскивать, и такія въ веси
порядкомъ, чтобъ ничего лишняго, ничего не-
пристойнаго и времени не приличнаго въ предло-
женіи нашемъ не было: но такъ все между собою
совокупно, какъ будто бы одно нѣкакое совершен-
ное и изрядное шло въ пристойномъ всѣхъ чле-
новъ

новъ положенїи и въ благоустройности часшей
 еостоядо. А слова самыя во первыхъ были
 бы чисныя и древнюю оную Цицеронова времени
 сановитосшь и достоинство къ себѣ заключи-
 ли, попомъ ясныя, согласныя, важныя и съ са-
 мою вещью сходствующїа; сложенїа словъ бы-
 ло бы полное и нѣкако круглое, такъ чшобѣ
 самому слуху число заключенїи было бы внятно
 и извѣстно, чшобѣ ни меньше, ни больше въ
 предложенїи не было, и словомъ вся рѣчь была
 бы вразумительная. Ибо, по слову Аристоцеле-
 ву, первая доброта въ рѣчи есть яснысь, и
 кшо чѣмъ возвышеннѣе; шѣмъ обыкновенно бы-
 ваешѣ внятнѣе чшо не трудно видѣшь можно
 изъ примѣровъ Кесаря, Цицерона и Виргилїа,
 которые, чѣмъ далечайшей берушѣ верхъ надъ
 всѣми писателями, шѣмъ яснѣе и явнѣе ихъ
 сочиненїа. По чему привычка шѣхъ, кои боль-
 ше зашмительными словами пишутъ шю, чему
 больше чудипся или презирашѣ людей, нежели
 разумѣшь могушѣ. Привычка шѣхъ достойною
 есть посмѣянїа. (Мы для шого отъ естества
 снабденны дарованїемъ слова, дабы душевныя
 чувствїа изображашѣ по чему, чѣмъ кшо яснѣе
 или откровеннѣе въ шомъ поступаешѣ, шомъ
 шѣмъ превосходнѣе и говоршѣ и сочиняешѣ.
 И такъ да будетѣ ваша рѣчь, о юности, чис-
 тою, ясною, вразумительною, и столь прилѣжно
 и рачительно сочиненною, дабы всю красоту
 слова, всю нѣжность и благопрїятность и при-

привлекаемость рѣченій въ себѣ заключала. По
 тому что ясная и пріятная, при помѣ благо-
 приспойно и порядочно связанная и довольными
 вѣщеваніями исполненная рѣчь удивительнымъ
 образомъ привлекаетъ чувства слушателей. Но
 изъ чего и покакимъ правиламъ такую рѣчь въ
 сочиненіи можете; изъ науки краснорѣчія, ко-
 торую мы учить будемъ, вы по узнаете. А
 употребленіе и опыты изъ рѣчей Цицероновыхъ
 которыхъ мы изъяснимъ будемъ вамъ, откроетъ
 ся. Того ради въ заключеніе рѣчи моей въ
 кратце всю повсюду: наилучшимъ для юно-
 шей къ успѣху способомъ поставили мы то,
 дабы во первыхъ со всякимъ вниманіемъ слушать
 предлагаемое отъ насъ наставниковъ, безъ сего ни-
 чего нельзя справедливо понять и точно уразу-
 мѣть, и тѣмъ самимъ отъ великихъ и излиш-
 ныхъ трудовъ избавиться. Потомъ, дабы съ
 разсужденіемъ читать книги и вникать въ
 разныя ученія, безъ коихъ не можетъ быть
 красною и достохвальною рѣчь: и чтобы тѣхъ
 писателей, коимъ мы подражаемъ чрезъ еже-
 часное чтеніе весьма знакомыми намъ учинить.
 На послѣдокъ дабы довольно и рачительно и вы-
 писывать и сочинять; по тому что и самыя бла-
 городныя науки, ниже знанія вещей упражненія
 въ писмѣ и сочиненія наградишь краснорѣчіемъ
 недействительны. Въ прочемъ ничего бо-
 лѣе не осталось, какъ только чрезъ тѣхъ са-
 мыхъ вамъ искренно любимыхъ достохваль-
 ныхъ

ныхъ и дражайшихъ музъ, и чрезъ самую красоту и блистаніе вождельннаго вамъ вишійшва чрезъ самое наконецъ свѣплѣйшее, и несравненно лестное имя просвѣщенія просить и молишь васъ, о юноши! дабы вы съ нѣмъ въ сіе мѣсто для слушанія отъ меня предлагаемаго собирались, чтобъ наблюдая скромность и молчаніе, которое вашего возраста людямъ много красоты придаетъ, съ получениемъ нѣкоторой пользы изо всего мною предлагаемаго ученія выходили отсюда. А потомъ уединенно съ такимъ прилѣжаніемъ хорошихъ Авторовъ читали и въ сочиненіи упражнялись, чтобъ ни одного дня безъ черны (какъ говорятъ) не пропустишь. Чрезъ что самое спашья можешь, что входя въ отверспыя къ Музамъ двери съ ревностнымъ, охотнымъ и самимъ Музамъ пріятнымъ сердцемъ и умомъ съ поликимъ блистаніемъ и достоинствомъ отъ нихъ вылише, что всѣ васъ, не шолько нашего отечества, но и иныхъ странъ обитатели за ошмѣннѣйшихъ нѣкакихъ и почти божественныхъ Мужей съ восторгомъ и удивленіемъ почишашь наконецъ будущъ.

РАЗГОВОРЪ.

О краснорѣчїи

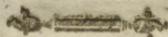
Взирая на разнообразность естества, какъ по на небо испещренное звѣздами далеко между собою несходными; на цѣлой шарѣ земной различными родами живоныхъ и растѣнїевъ преисполненной; на приятность зеленѣющихъ полей; на разнообразности и на великое селенїи множество, не можно неприйти въ восторгъ и удивленїе. Ибо кого не восхишитъ изъ смертныхъ, а наипаче благородно воспитанныхъ, прилѣжное воображенїе околоращенной перемѣнѣ и вещей и временъ. А отсюда не родится ли всевозможное испытанїе причинъ вещественныхъ, и изъ сего не происходитъ ли разсужденїя не только о чувственныхъ, о небесныхъ; но и взору нашему по жизни неподлежащихъ существахъ.

Мы пришли въ наувеселительную вертоградъ, въ кошорой иногда (какъ повѣствуютъ) западный Августинъ, свѣтъ оный и украшенїе Христїанскаго православїя, для богомыслия прихаживалъ, и въ кошоромъ къ очищенїю первобытнаго грѣха и злонравїя крещенъ былъ. Гдѣ случилось со мною бысть обидели его благороднѣйшему настоятелю Ангелу Аппїану, кошорый въ разсужденїи непорочности и правобъ,
бла-

Благочинїя и премудрости едва можешъ и-
мѣшь себѣ равнаго, и наичениѣйшему учи-
телю г. Графу Приму, коего превозносишь я
похвалами здѣсь не намѣренъ: попому что я
уповаю благоприличїе въ другомъ мѣстѣ на-
помянуть о томъ. Ибо можно ли краткостїю
рѣчи живо предспавить его совершенство?
Онъ изъ превосходнѣйшихъ писателей въ про-
якомъ языкѣ ничего не оставилъ безъ при-
мѣчанїя; онъ въ свободнѣйшихъ наукахъ со-
вершенной получилъ успѣхъ; онъ на конецъ
всїю, что достойно памяти, вѣдалъ самопочво,
а о не порочности нравовъ его, о постоянствѣ
житїя и безпрерывномъ богомыслии я уже
не упоминаю. И такъ сидя мы подъ тѣнїю
нѣкошораго дерева размышляли вообще о на-
укахъ; но прежде, нежели мы вступили въ раз-
говоръ, нечаянно пришелъ шумъ Примовъ братъ
Графъ Авшонїй, юноша жаднѣйшїй любитель
всѣхъ наукъ и во всякомъ знанїи преискусный;
а мнѣ больше Пиладея дружествомъ соеди-
ненный, попому что мы вмѣстѣ съ нимъ у
одного наставника Прима учившись, равными
можемъ названъ въ знанїи, такъ что ежели
бы мы и родные были братья, не больше бы лю-
бви имѣли. Я увидя его несказанно обрадовал-
ся, за шѣмъ что я съ нимъ двадцать дней не ви-
дался, которые мнѣ болѣе двадцети лѣтъ ка-
зались. Весма ты, я сказалъ ему, къ спашѣ
пришелъ братецъ. Ибо я иначе его никогда
не

не называлъ. И сіе шо есть, что я предвари-
 тельно радовался о приходѣ швоемъ: ибо я
 предчувствовалъ, что ты неопшмѣнно сюда
 будешь. Коль пріятно мнѣ ошвѣчалъ онѣ, что
 здѣсь я шѣхъ нашолъ, которыхъ жарче всѣхъ
 люблю и выше почитаю, желаю вамъ всякаго
 благополучія. При чемъ Ангелъ веселымъ ли-
 цемъ и обыкновенно благопріятнымъ видомъ
 сказалъ: шебя шо и надобно. Сядь съ нами и
 скажи что знаешь. Но очемъ мнѣ вамъ, Аншо-
 ній сказалъ, сказать кошорый шрудомъ и при-
 лѣжаніемъ достигли шого въ наукахъ совер-
 шенства, коимъ превышаете всѣхъ мною знае-
 мыхъ. Ибо какъ прекрасно въ семъ раю на-
 сажденныя и какъ смѣющіеся древа во первыхъ
 цвѣтутъ, пошомъ плодъ даютъ, на конецъ ма-
 ло по малу созрѣваютъ однако онѣ сами собою
 сего дѣйствія имѣть не могутъ, но онѣ земли
 внимательницы всѣхъ сокъ и силу расшнвія по-
 лучаютъ: подобнымъ образомъ и я шеперь
 какъ бы процвѣтаю въ наукахъ; а со временемъ
 уповаю и плодомъ оныхъ обогатиться. Но
 въ прошчемъ у васъ я, яко у премудрѣйшихъ му-
 жей, шребую вспомошествованія что ежели не-
 будешь; шо какъ расшнвія безъ соку земли
 не въ состояніи я бышь имѣю успѣхъ полу-
 чить въ наукахъ. Тогда Ангелъ, вѣдая рев-
 ность его и жарчайшую любовь къ наукамъ,
 въ шуткахъ сказалъ: развѣ ты какъ пшница
 безперая изъ гнѣзда вылетѣшь еще не мо-
 жешь

жешь? себѣ еще въ плаваніи лотка потребна?
 я думалъ что и Делія онаго (Колумба) въ
 плаваніи превосходишь и другихъ руковод-
 ствовашь можешь. По истиннѣ (сказалъ я)
 Ангелъ, шакова ны мнѣнія обѣ Антоніи, коего
 несравненно во всемъ ученія родѣ успѣху я
 ежечасно самъ въ себѣ удивляюсь. Ибо
 нѣшь ничего шакого, во чтобы онъ не проник-
 нулъ острошою разума; чего бы не имѣлъ въ
 своемъ знаніи и швердой памяти. По чему,
 ежели онъ оприцается передъ вами о чемъ ни
 есть говоришь, шо не незнанію его, но без-
 примѣрному смиренномудрію приписашь надле-
 жишь. Здѣсь съ улыбкою смотря на меня
 Антоній сказалъ: ны по особливо для меня и
 давноизвѣстной мнѣ бласклонности всегда меня
 въ рѣчахъ уважаешь: но при всемъ томъ я
 чувствую, сколь великой не досташокъ разума
 моего. Когдажъ вы потребуеш ошъ меня, яко
 ошъ предосторожнаго запищика, о чемъ ни
 есть узнать, а мнѣ совсемъ на мысль ничего
 не приходишь къ вашему удовольствію: шо я
 попрошу брата моего Прима, которой можеть
 и охотно (какъ я уповаю) примешся изба-
 вить меня сего бремени и вмѣсто меня съ
 вами говоришь. Прошу покорно, Государь бра-
 тецъ и достопочтенный мой наставникъ ошъ
 сего не ошказаться. Тогда Примъ въ размыш-
 леніи началъ смотрѣшь на порядочныя вѣшви,
 кои благовоннѣйшій испущая запахъ разувѣ-
 ша-

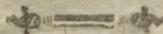
пали, на растуція прекраснѣишимъ порядкомъ древа, на коихъ различныя и знаменнѣйшія; но еще твердыя и несозрѣлыя висѣли яблоки; на испещренной различными цвѣтами шернѣ, на мѣста покрывающіяся багровыми и прищипнѣйшими розами. Въ то время мы въ молчаніи и во ожиданіи взирали на него, но онъ такимъ образомъ сталъ опзываться: Антоній, дражайшій братъ! я бы всеохотно началъ говорить, ежели бы надлежало намъ рѣчь имѣть о благочестіи, а наипаче въ семъ увеселительнѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ шоль прелестно цвѣтущее расцвѣтіе заспавляетъ, кажется, насъ мыслишь о небесномъ ономъ обѣщанномъ намъ чрезъ Христа верхоградѣ. Ибо смотрите какъ здѣсь всео наипрекрасно! что сего зрѣлища можешъ бытъ приятнѣе; что способнѣе къ размысленію о вѣчной жизни. Не думаю, что такимъ образомъ во всякое время, шолько гораздо прекраснѣе процвѣтають Елисейскія поля; не шѣ, Асфоделомъ насажденные, коихъ стихотворцы царствомъ мертвыхъ почитають; но копорые мы, подражатели Христовы, за повседневныя свои подвиги наслѣдишь иногда уповаемъ. Богъ намъ въ жизни сей какъ бы образъ нѣкакой будущаго блаженства представилъ. Смотрите какъ пріятно благоухають сіи шлѣню подлежація цвѣты: чтоже думашъ надобно о шѣхъ цвѣтахъ, кои навѣки не увядають; но сіежъ самое благовоніе

ЛОЗЪ

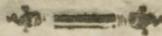
лозѣ не представляетъ ли намъ предѣ
 очь подвигоначальника нашего Христа, копо
 рой себя лозою, какъ изъ священнаго видно
 писанія, а посланниковъ рождѣмъ называлъ! ибо
 якоже вѣшви, естли невредимы будущъ на
 древѣ, прекраснѣйшии могутъ производить пло
 ды: но естли по случаю поврежденны будущъ,
 то сохаютъ и къ сожженію только удобные
 бывають: подобно и человекъ, покамѣсь чрезъ
 добрыя дѣла присоединенъ Христу, попа
 жинъ свою въ лучшее день оного дня приводить
 можеть состояніе, дондеже купно съ нимъ
 безконечно наслаждаться будеть. Но какъ только
 во время напасти отпадетъ отъ Христа: то
 въ немъ медленности уловленъ бываеть съшю
 злобнаго духа. И такъ древа оныя, копорыя отъ
 великой тяжести плодовъ нагбенно споятъ,
 не побуждаютъ ли насъ къ исполненію нашего
 званія? онъ сперва въ цвѣтѣ облекшись, по
 томъ плоды, какія теперь видимъ, твердые
 производя, помощію земли мало по малу пиша
 ютъ, дабы наконецъ къ совершенному привестъ
 созрѣнію: равнымъ образомъ и мы въ то время
 цвѣтны испуцаемъ, когда добрыя приемлемъ
 намѣренія; а плоды показываемъ, когда пове
 лѣніе божіе по надлежащему исправляемъ. Сижъ
 плоды тогда зрѣлыми становяпся, кои намъ,
 споспѣшествующей благодати Христовой, бла
 женную вѣчностъ доставляютъ. По чему въ
 угодность вашу буду я говоришь обыкновен
 ную

ную рѣчь, и насъ (меня и Антонія имения) въ поспоянцой добродѣтели утверждать, ежели припомъ и Ангелу не противно. Да миѣ, сказааъ Ангелъ, ничего не можетъ бытъ приянше. Ибо, хотя мы повсядневно священное писаніе читаемъ, и хотя примѣры и образы святыхъ довольно насъ возбуждаютъ къ добродѣтели: однако ничто не можетъ бытъ дѣйствительнѣе живаго слова: а наипаче ежели производимъ отъ достовѣрнѣйшаго мужа. Я не себя, сказааъ Примъ, которой-нѣ семъ искуствѣ насъ далеко превосходитъ, но сихъ цвѣтущихъ юношей побудитъ къ добродѣтели намѣреніе имѣю. А ты, ежели угодно, будь судією моихъ словъ. По семъ, когда мы въ глубокомъ молчаніи предуготовили себя къ слушанію, такимъ образомъ началъ говорить Примъ. Когда я размышляю вообще о трудахъ человѣческихъ, то ежечасно прихожу въ удивленіе и нѣкоторое негодованіе. Толикая человѣческая глупость и буйственность, что когда къ полученію вѣчной славы весьма не много требуется труда, чрезъ распустность свою и сладострастія, неощущенное время въ гнуснѣйшихъ дѣлахъ ищещио, но съ охотою погубляютъ, хотя вѣчный оный разумъ, всесовершенная премудрость божія, управляющая всѣми, на небеси и на земли обитателями и благопромышляющая о пользѣ человѣческой, всему роду смертныхъ въ самомъ еще младенчествѣ

искру

искру въкошорую вселяетъ къ любленію добродѣтели и блаженства. Однако коль многіе, различными преволненіями и болѣзнями духа прешаштывуемые и отвлекаемые, врожденное стремленіе къ добродѣтели и благу совсемъ испребляють и сѣбною оною и безушною похотію, владычицею сердца, будучи прегражденны вмѣсто лишъ всѣхъ благъ разуму дерзновенно прошивудушъ! ибо никшо, замаранъ будучи пороками не можетъ по справедливости обвинить естество или судьбу (какъ многіе дѣлають), кошорая хошя того или другаго склоннаго къ порокамъ произвела: однако принудить къ нимъ никого не можетъ. Но пушь избрашь къ добродѣтели или порокамъ, это состоитъ въ своей каждаго волѣ. Справедливо бы было или злыхъ наказыванъ, или добрыхъ награждать, ежели бы оны зло, а сѣи добро дѣлашь необходимоснію принуждены были. Однако (какъ выше сказано) къ приобрѣтенію добродѣтели и къ избѣжанію порока ешъ младенчествва всякому врождено желаніе. Возможноли найтци хошя одного изъ всѣхъ шоль легкомысленнаго и шоль подлаго разсудка, кошорой бы, будучи вопрошенъ, желаетъ ли бышь блаженнымъ, не вдругъ отвѣчалъ, что онъ чрезвычайно того желаетъ? Сверхъ того имя добродѣтели и честности и у самыхъ злобнѣйшихъ за свяшѣйшее и достохвалнѣйшее благопочишаешся. Кто шоль жеснокъ, кошо-

рой бы весьма не похотѣлъ именовашься чещимъ и добродѣшелію украшеннымъ чедовѣкомъ? къ шомужъ всечасно бываетъ, что злые, за названіе ихъ безчещнымъ именованіемъ шпагами перевѣдываются. Отсюда явно и истинно, что ревность къ добродѣшели и благополучію ошъ естества намъ благоволеніемъ божескимъ дана. Но скажетъ кто: для чегожъ толь не многіе плѣняются добродѣшелію? для чего путь ведущей къ истинному благу, толь многіе оспавляютъ? Для шого что будучи похотѣми плѣнены не могутъ покорить плоть свою въ послушаніе здравому разуму, и хотя предъ очами видятъ, да еще и хвалитъ чувшвенное благо: но поелику не порабощаютъ воли разуму, въ худостяхъ обращаются. А нѣкоторые столь глупы и къ познанію добра истинны слѣпы, что, желая слѣдовать за добромъ, добро ошъ зла ошличить не въ состояніи. И по сей причинѣ бываетъ, что въ мѣсто добра зло избираютъ. Довольно такихъ жаждущихъ богатства, кои ласкаютъ себя надеждою, что по собраніи великаго богатства и несмѣшнаго имѣнія, шасливо и блаженно наконецъ жить будутъ. Но мы видимъ, что никогда жадничать въ богатству не перестаютъ, а часъ ошъ часу больше его приумножаютъ, и часъ ошъ часу болѣе и болѣе приумножатъ его желаютъ. Ибо справедливо поетъ спихошворецъ.

Чѣмъ кто обильнѣе богатства умно-
жаетъ,

Тѣмъ болѣе его умножитъ потъ же-
лаетъ.

Сіе по сребролюбцамъ препяшствіемъ къ
любленію добродѣтели, что сердце зараженное
прелестію богатства во вся ослабѣваетъ. Ибо
когда душа наша, будучи образомъ божескаго
существа горѣ направляема и воскищаема о
небесныхъ только и безсмертныхъ вещахъ же-
лаетъ разсуждашь, дабы онаго блаженства, для
коего успроена, со временемъ бытъ участни-
цею: но когда сребролюбіемъ омрачившись,
имъ единымъ начнешъ услаждашь; то ни ма-
ло о добродѣтели, о благородствѣ и о честно-
сти помышляшь не будешъ и не иной ради при-
чины столько-крашно въ священномъ писаніи
поносимы бываюшъ богачи и изъ наслѣдія вѣч-
наго блаженства исключаемы. По сему нѣшъ ни
чего честнѣе, нѣшъ ничего спасительнѣе, какъ
не прилѣпляшь къ богатству. Но многихъ
найши можно, кои удобно презрѣвъ богатство,
уповаюшъ чрезъ чинъ и славу получить себѣ
безсмертіе: по тому они что ни дѣлаюшъ, что
не представляюшъ, дѣлаюшъ только для того,
чтобъ пустую о себѣ славу заслужишь въ на-
родѣ. И сіе сколь суетно и недоспойно име-
ни Христіанскаго: безсомнѣнно я чаю, вы
разумѣете. Ибо по слову Злапоустаго: спатъся
не можешъ, что бы кто за славой тоняся

торная мудрствоваль. А чрезъ сіе то означае-
 тся что кто для славы народной шолко дѣла-
 етъ добро, (чего крайне богочеловѣкъ гну-
 шаешия) не получитъ мзды вѣчной. По чему
 ежели кто желаетъ наслѣдшии верховнѣйшее
 оное блаженство: шому надлѣжитъ сего порока
 отвращаться. Но больше всего претяществуетъ
 къ добродѣтели гошовающимъ въ должностъ
 разжизаніе плоти. Въ чемъ Хопя единожды слу-
 чившя кому искуситься: то онъ, какъ злос-
 нѣйшею сиренію влекомъ бываетъ въ бездну
 всякихъ нешновствъ. Сего шо паче всего
 вамъ учащіеся юноши! удаляться должно, въ
 шакомъ дѣлѣ юности, кошорое на все позвол-
 новенно: ибо горячешню крови исполнено бу-
 дучи юношество, къ различнымъ похощямъ удоб-
 но преклоняется. Но я уповаю, что вы сей
 душевной заразы, яко ненавистницы добро-
 дѣтели давно гнушаетесь; ибо что можетъ быть
 противнѣе добродѣтели, какъ уничтоженіе вся-
 кой чесноти? Похощливый по справедливости
 презрѣнной сѣ опивъ уподобляется. Ты, гово-
 рить Цицеронъ, одаренъ будучи опъ бога или
 опъ матери, такъ сказашъ, всѣхъ вещей на-
 шуры разумною душею, въ сравненіи кошорой
 ничего нѣтъ превосходнѣе, такъ поступашъ
 обязанъ, чтобъ ни мало не имѣшь сходства
 съ четвероногимъ жившнымъ. Да слышатъ
 сіе ослѣпленные пороками, кои верховнѣйшее
 благо заключающъ въ плотоугодіи. А васъ,

коихъ сердце не заражено симъ порокомъ, не для-
 чего больше увѣщевашъ, упражняйтесь въ сво-
 ихъ начинаніяхъ и пушъ должності своей бла-
 гополучно совершайте. Вы швердое положили
 основаніе блаженства, и уже шрудное преодол-
 ли: ибо, по присловію: *кшо хорошо началъ,
 шпощъ лоловину здѣлалъ*. Вы, презрѣвъ поро-
 ки къ добродѣтелямъ прилѣпляешесь, и шбмъ
 великую надежду возбуждаете въ друзьяхъ
 своихъ. сего вы прошиположенія не выш-
 щайте изъ своей мысли, что, или съ превос-
 ходною похвалою и пользою продолжашъ нача-
 шое, или съ поруганемъ и крайнимъ безчес-
 ніемъ вспяшь обратитесь. Сіе послѣднее на-
 длежитъ до аънищевъ слабого и сладоспращи-
 наго духа; но вѣдалъ, сколь удобна временности
 сей ломкости и сколь неощенныя вѣчности
 сокровища, послѣдовашъ имъ не должно. Трудна,
 и едва проходима шезя дозродѣтели: но чес-
 тное обыкновенно бываешъ шрудно. А что
 для всѣхъ удобно шакъ, что и самой аънней-
 шій въ состояніи исполнишь: шо можно ли на-
 звашъ честнымъ. Чшоже достошквално и съ поль-
 зою сошкуплено, хоня бы въ самой вещи шру-
 днымъ и едва возможнымъ было, благородному
 и великому духу самолегчайшимъ обыкновенно
 кажется, кошорой не опасается шрудовъ, пре-
 длагая себъ предъ очи штраду, какъ шо пох-
 валу, честь, безшертіе, добродѣтель (какъ
 говоритъ философъ) корень имѣетъ горькой,

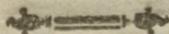
но плоды приноситъ сладчайшїя. Повѣрьте мнѣ, что шу изящнѣйшую жизнь, кою вы избрали, привычка учинишъ наипряпнѣйшею. И не допускайте себя слабѣть въ трудахъ и шрудносїяхъ, какъ бы въ нѣкоемъ обуреванїи, представляя шо, что ежели купцы шополикимъ себя подвергаютъ бѣдствїямъ; ежели не опасаются они волнъ свирѣпаго моря, ежели на камни и на огнь безъ ужаса держатъ; ежели въ неизвѣстныя пуцаются спраны, предавъ жизнь свою одному счастью, дабы приобрѣсти шолько обилїе скорогнблющаго богатства; ежели наконецъ художники денноночно не знаютъ покою; шо съ какою ревностїю надлежитъ вамъ свнскнвать шо сокровище, которое во вѣки негнбнетъ. Имѣете вы всегда предъ очами вашими шоль славныхъ героевъ, кои шрудами своими опверзли себѣ входъ въ небеса, хотя я не желаю шого, дабы вы, (какъ выше упомянушо) за свѣтскою славою гонялись; ибо что сего суешнѣе? Но ежели вы добродѣшель искренно въ обѣщанїе свое примете: шо громкая слава довольно за вами послѣдовать имѣетъ. Не надобно думать, будто славу временную предмѣшомъ имѣли священныя оныя мужи, Іеронимъ, Августинъ, Амвросій, и другїе премногіе; но едину честность и образъ Христовъ: однако слава имени ихъ во вѣки не уможнетъ. Сїе со всякимъ благоразумнымъ обыкновенно дѣлаешся, что чѣмъ болѣе презираешъ славу; шѣмъ звучнѣе она

она и величественнѣе о немъ простирается. Чего для первѣйшимъ у себя предмѣтомъ и мѣйше Христа: отъ него начинаніе и продолженіе всѣхъ вашихъ дѣяній да будешъ; о немъ денноночно помышляйте; его жизнь, смерть и славу напечатлѣйше наскрижалѣхъ сердецъ вашихъ. Свяшѣйшій благовѣстія законъ и всѣ божественныя книги никогда изъ рукъ не выпускайте. Не можете спасться, (говоритъ великій Златоустъ), что бы тошъ бѣдственную провождалъ жизнь, кто ежечасно въ святомъ писаніи упражняешся. Все другое за подлое спавте, въ сравненіи касаемостей до Христа. Такимъ образомъ вождѣнное со временемъ безсмертія блаженство получите, и отъ всѣхъ добродѣтелию превознесенныхъ мужей похвалу себѣ и славу приобрѣсите можете. Сіе сказавши Примъ умолкнулъ. При чемъ Ангелъ спалъ говоритъ: я изъ всего примѣчаю, Примъ! что ты славнымъ подражаешъ врачамъ, кои изслѣдовавъ причину болѣзни сперва разправливаютъ оную, нежели цѣлбоносныя лѣкарства привязываютъ. Можноли надѣяшся вылѣчить безъ истребленія причины болѣзни: подобнымъ образомъ кто можетъ стопы своя направишь на путь добродѣтели прежде, нежели злыя похоти изъ сердца изгонишь. И что можете быти противнѣе добродѣтели, какъ сія недавно упомянутая происшвенность: жажда къ богатству, раживзаніе плоти, и славолубіе; не-

лзя шому бытъ, дабы кто однимъ изъ сихъ пороковъ будучи замаранъ возмогъ саоменьшую часнь имѣшь непорочности. Ежели кто сихъ пороковъ избѣжитъ, шому вѣришь надобно, что близко присупилъ онъ къ добродѣтели. Но я онъ себя шого по большой часни ожидалъ, чтобъ шы о наукахъ, а наипаче о краснорѣчїи нѣшто сказалъ, ибо я примѣчаю, что сїи юноши всѣ силы свои роняшъ къ приобрѣшенїю краснорѣчїя. Которой ихъ трудъ мнѣ излишнимъ кажешся: о чемъ послѣ увѣдомлю, выслушавъ швое о шомъ мнѣнїе. Чего для между прошчимъ должно шобъ и еіе изьяснїшь, дабы вѣдали юноши, что имъ въ семъ случаѣ надлежитъ дѣлать. Здѣсь съ улыбкою сказалъ Примъ: а знаю, Ангелъ! съ какимъ намѣренїемъ шы это предсшавляешъ; шы хочешъ привлечи меня къ шому, чтобъ я о краснорѣчїи спалъ говорїшь: но будшо гнушася краснорѣчїемъ, чрезъ невозъ самое, доводы и доказательсшва, коими я ушверждашъ оное буду намѣренъ шы опровергнушь. Я не накаживалъ, чтобъ кто шобя велерѣчивѣе былъ и въ спорахъ оспроумїе. Въ прошчемъ удовлетворяя швоему желанїю, предложу я мнѣнїе мое, и хотя шы противорѣчїшь въ чѣмъ нїесть будешъ: однако оно само собою показанъ можешъ свое сїянїе. Ибо краснорѣчїе безъ краснорѣчїя ни подкакимъ видомъ уничшожїшь не возможно. А вы (ко мнѣ и Аншюню оборшася) при-

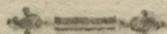
лагайте, какъ и начали, все ницаніе свое къ краснорѣчию, которое всѣхъ вещей, выключая божественныя, не оспоримо есть превосходнѣйшее; и васъ не посрамишь: хотя бы что и вопреки сказалъ Ангелъ. Но вы такъ заключайте, что то всего лучшимъ и дражайшимъ почиташь должно, что благороднѣйшую часть вашу, то есть разумъ просвѣтитъ и украситъ можетъ, и что обыкновенно въ восторгъ приводитъ смертныхъ, и величайшею многимъ служитъ пользою. Свободныя науки и искусства, и всѣ добродѣтели для того мы объемлемъ, что ими разумъ человеческой острится. Ибо Жемчугъ, Яхонтъ, Алмазъ и всѣ прочія драгоцѣны не для тоголи только неоцѣненными называются, что ими люди обыкли удивляться, а Серебро и Злато по той причинѣ за велико почитается, что оно къ человеческимъ потребностямъ, къ торгу къ куплямъ и продажамъ весьма есть способно. Но для души нѣтъ лучшаго украшенія, какъ просвѣщеніе разума и премудрый разговоръ; нѣтъ ничего, чтобы сильно приводило въ увеселеніе, нѣтъ ничего на конецъ полезнѣе человеческому роду. Ибо что благороднѣе, какъ быть такимъ человекомъ, который въ томъ надъ людьми верхъ беретъ, чемъ безсловесныхъ животныхъ превосходяшь человеки? что числѣе и благопріятнѣе, какъ столь искуснымъ быть въ разговорѣ, чтобы сію было въ немъ приличное

ра.

разумное, красивое и безъ подлости и гнусности возвышенное и чesное? Чшо удишпшельнѣ какъ правы слышателей склоняшъ во своей волѣ, и хошя всѣ говоришъ умѣюшъ, но еспьли шы простирашъ будешъ рѣчь, шо протчѣе какъ будшо ничего незнающими показашъ могушъ; такъ чшо въ восшоргѣ пришедъ и восхищеніе слушатели, какъ будшо по принужденію на швое мнѣніе согласашъ? И такъ чшо полезнѣе краснорѣчя; чшо спасительнѣе? оно ходатайствуетъ покровѣ пребующимъ; оно возбуждаешъ стпрасш; оно спасаешъ злощасныхъ; чрезъ него въ благообразномъ видѣ управляемы бывающъ гражданства; чрезъ него междуусобя и раздоры народныя искореняются; чрезъ него смершныя къ наблюденію благочесшя склоняются. По чему шо, чшо украшаетъ душу нашу, чшо въ восхищеніе приводитъ всѣхъ челошкъ и чшо пользу наивеличайшую приноситъ, еспь всего далеко превосходнѣе: а повеже краснорѣчѣе и украшеніемъ еспь души и удивленіемъ и пользою, шо кто можетъ усумнѣшъся, чшо краснорѣчѣе еспь всего превосходнѣе. Симъ словомъ онъ заключилъ. Но Ангелъ сказалъ: шы подлинно коварствуетъ; ибо, чшобъ опншатъ вѣроятность словамъ моимъ, всеялъ въ нихъ отшращеніе комнѣ прежде, нежели чшо отъ меня услышатъ. На конецъ когда я шребовалъ шшого мнѣня толькo о краснорѣчш, шы намъ шоль изрядными доказашелствами оное представилъ. И какъ

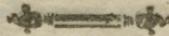
какъ будто изъ подлага свинца чистое и бли-
 спашельное здѣладъ золото. Но я взаимно ше-
 бѣ опллатишь имѣю: неушаевая, какъ шы,
 испинны, но опложивши пришворшво, самую
 сущность вещей предспавляя, явнымъ обра-
 зомъ сразишь долженъ. Правда, я бы могъ ше-
 бя и свинцовымъ (какъ говоряшь) поразишь
 мечемъ, но прежде надлежишь изъяснишь въ
 своемъ мнѣнїи. Ежели бы хощя нѣсколько къ
 щаспливой и непорочно жизни и самовеличай-
 шее въ краснорѣчїи искусство шрудами приоб-
 рѣшенное пользою бышь могло Христїанину:
 то бы я поиспиннѣ никогда не покусила
 опровергать оное. Ибо что безумнѣе сказашь
 или вымыслишь возможно, какъ ешьли то
 уничижать, что къ удовольствїю нашему и
 благочеснїю способно и весьма полезно. Но ког-
 да я вижу, что опъ краснорѣчїа не только ни
 какой пользы нѣшъ христїянамъ; но еще и
 величайшей вредъ происшекаетъ, то для че-
 гожъ мнѣ хвалишь неусыпные шруды въ сей
 наукѣ; и для чего всемѣрно не опровергать ее?
 Что можетъ бышь вредоноснѣе, какъ ешьли,
 пренебрегши важнѣйшїа науки въ пустомъ
 изобрѣшенїи вишїеванїа неощѣненное шрашишь
 время, когда совсемъ шѣмъ самъ Христосъ
 виновникъ нашего благочеснїа по своихъ за-
 повѣдяхъ учредишь благоволилъ: не многогла-
 гольствовашъ, по шому что съ велерѣчїемъ всег-
 да соединяешь нѣкошорой порокъ. А мы по-
 рокъ

рокъ многословія, которымъ почти всѣ смертныя заражены, не только всевозможно не стараемся искоренить: но еще (боже мой) болшию часть себя трудами снискиваемъ. Ибо что ны представлѣтъ, что краснорѣчіе есть чудесно, что въ восторгъ приводитъ слушателей: сіежъ самое обѣ обморачивантію, о подлазствѣ и всякой коловралѣ и шушкахъ сказать возможно; однако все сіе ни мало не похвально. А что ны утверждалъ, что краснорѣчіемъ свободу получаютъ виноватые; что хорошо управляемые бывающъ общежительства; что народъ къ благочестию склоннымъ дѣлающъ, что мнѣ кажущся, что для красы слова только сіе выговорилъ, а не что въ самой вещи такъ есть. Кто тебѣ въ томъ можетъ позволить, что краснорѣчіе для всего есть полезнымъ, будто чрезъ него повинные избавляющъ отъ крайности? Ибо ежели они злодѣи то полезно ли: тебѣ кажущся ихъ свободать, а ежели добродѣтельны: то не удобнѣ ли посредствомъ невинности избавишься могущъ, нежели чѣмъ либо вишійствомъ? Кто Сусанну Еврейку отъ ложныхъ свободилъ представлений? не молчаливость ли ея (ежели вѣришь должно великому Амвросію). Но естли бы она подкупишь захотѣла къ защищенію себя какого вишійю: то достоверно, что не былабъ она, какъ и есть безвинною. На что приводишь на память Сократа онаго,

по гласу Аполлоннову, премудраго мужа? которому, какъ онъ находился въ заповеніи, краснорѣчивѣйшій Лиссій Вишій принесъ сочиненную собою рѣчь, чрезъ которую, казалось, его въ безвинности оправдать можно; но сей преразумѣйшій человекъ лучше пожелалъ безвинно спряться, нежели помощію краснорѣчія свободнымъ быть. И такъ ежели не безвинныхъ, но зловиноватыхъ краснорѣчье заспугаетъ: когда шѣ ничего за собою не вѣдая, не имѣютъ страху и опасности; а сіи обременены будучи злодѣянїями защищенїя себѣ требуютъ; по не точію не полезно краснорѣчье, но еще и вредносное, по тому, что защищаетъ шѣхъ, кои достойны наказанїя. А что ты сказалъ, будто краснорѣчїемъ жишелства хорошо управляемыя бывають: по мнѣ кажется ради спору больше, нежели, чтобъ ты за истинну признавалъ. Ибо я не думаю, чтобы ты не вѣдалъ, что общежишелства управляются остроумными узаконенїями и премудростію; а не краснорѣчїемъ, которое чаще вредитъ, нежели благоуспроемъ общество людей. Кому неизвѣстно, коликой мятежъ въ Римской республикѣ краснорѣчье двоихъ Гракховъ воспламенило? коликой такъ же Сатурниново? коликой въ Афинахъ Пизаспратово вишійство? И такъ ни подъ какимъ видомъ не должно принимашь, что ты предсказивалъ, будто народъ краснорѣчїемъ привлекается къ благочестію. Но какъ

по

то краснорѣчіе, о коемъ ны проповѣдывалъ? Не тое ли, что мы въ священномъ писаніи обрѣщаемъ! Кшожь не знаешъ, что краснорѣчіе, якобы неполезное, священному писанію совсемъ несовмѣстно? Или о томъ Краснорѣчїи, чрезъ которое Апостолъ Павелъ коринфянъ склонилъ на свою сторону, говоря, егда пришедъ къ вамъ брашїя прїидохъ не по превосходному словеси, или премудросни, возвѣщая вамъ свидѣтельствованнѣ боже. И мало ниже: слово мое и проповѣдь моя не въ прерѣтельныхъ человѣческихїа премудросни словесехъ; но въ явленїи духа и силы: да вѣра ваша не въ мудросни человѣчестей; но въ силѣ божіей будетъ. Чтожь? какъ тебѣ кажется? похваляешъ ли здѣсь свяшїй Павелъ краснорѣчіе? не паче ли опвергаетъ? и потому не краснорѣчіе возбуждаешъ челоука ко благочестїю; но явленїе духа и Евангелская проповѣдь. Что же ны говорилъ: что великимъ естъ души нашей украшенїемъ приятная рѣчь: то я наисовершенно могу опровергнуть и доказашъ, что опричь добродѣтели и непорочной жизни, нѣшъ никакого украшенїя души челоуческой; и что ни чего кромѣ благочестїя и знанїя единого Бога, посредствомъ Свяшатаго писанїя, гдѣ нѣшъ никакого краснорѣчїя, снискивашъ не надобно. Для чево снискивашъ, что не полезно? а что же полезно; ежели нешто и чеснїно для хриспїанина? Но кто почтешъ за чеснїное то, что и само-

злюб-

здобнѣйшему челоуѣку можешъ бышь общимъ : но поелику краснорѣчіе естъ шо, что и самой мерзоспи исполненной челоуѣкѣ имѣшь можешъ : слѣдовательно краснорѣчіе не естъ честное, ежелижъ не естъ часпное ; шо ниже полезное : а когда такъ, шо не только не снискивашъ ; но и убѣгашь ево должно а чего убѣгашь надлежитъ : шо по неуремимности пагубоносно. И такъ краснорѣчіе не только не превосходнѣйшимъ какъ ты заключалъ ; но и самовреднѣйшимъ Христіанину почиашъ надлежитъ. Сіе когда Ангелъ говорилъ : шо мы въ молчаніи ожидали : какимъ образомъ имѣешъ противорѣчишь Примъ. Тогда началъ онъ говоритъ : ежели бы я зналъ, Ангелъ ! что шоже ты мыслишь что и говоришь ; шо бы всемѣрно тебя я спалъ увѣщевашъ : дабы бросилъ ты шоль ложное свое мнѣніе : ежелижъ бы по упрямлся меня послушашъ : шо бы я почелъ за неблагодарнѣйшаго кошорой сполко одолженъ вишійспву сколько ни кто, въ наши времена, или по крайней мѣрѣ, весьма не многіе : сднако оное своиимъ ево стрѣлами проразитъ держашъ. Но поколику я вѣдаю, что ты говоришь для одного шолько спору ; а на сердцѣ шого не имѣешъ : для шого ни о тебѣ ни о благодарности швоей ничево говоришь не буду. Но шокмо, прошивъ полагая самое краснорѣчіе оправдашь и защитишишь постшараюсъ : при чемъ ты оказашься имѣешъ своими доказащелствами яко воздухъ бѣлий

я во первыхъ докажу, что слова твои не справедливы: наконецъ представлю то, что къ подтвержденію предпріятія моего служишь можешь. И такъ что онаго умственнаго сплетенія ложнаго, которое ты аки наиправдѣйшее, въ рѣчи твоей употреблялъ? Правда съ перваго я взгляду нѣсколько приведенъ въ смѣшеніе и казалось мнѣ что слышу Хризиповы не опровергаемыя заключенія: но какъ прилѣжнѣе вникнулъ: то усмотрѣлъ, что ни чего нѣтъ не правнаго. Ибо ты такимъ образомъ заключилъ, что то не можешь назваться полезнымъ, что и злодѣю совмѣстно. Я сіе изрѣченіе за истинное почелъ: хотя сперва оно не многимъ было вѣроятно. Но посмотримъ, что за нимъ послѣдуетъ: краснорѣчіе есть такое искусство, которое можетъ и порочнѣйшей имѣть человекъ. Что ты это говоришь Ангелъ? смотри, до Диалектиковъ ли это надлежитъ, опредѣленіе вещей или во вся не знаешь или зная не разсуждаешь? Человекъ порочнѣйшей можетъ имѣть краснорѣчіе? Не знаешь ли ты, что здѣсь тоже значить, что самой глупецъ есть премудрымъ? Ибо что другое есть краснорѣчіе; какъ велерѣчивая премудрость? что другое. Вишня есть? какъ добрый мужъ въ рѣченіяхъ искусный. Можетъ ли порочной человекъ премудрымъ и добрымъ назваться? Кто изъ благоразумныхъ сіе отважится сказать? однако ты или съ невѣденія или поразуму такъ заключилъ. Кто велеречивъ: тотъ непре-

непремѣнно премудръ и благи мужъ: ежели краснорѣчіе есть премудрость, и Витія есть добрый. Но естли порочный Витійсвуетъ: то слѣдуетъ, что онъ и премудрый и благи что ни коимъ образомъ бытъ не можетъ, И Такъ злому чловѣку не должно приписывать краснорѣчіе. Можешъ ты примѣшишь изъ сего свою не справедливость? но еще подробнѣе о томъ предложишь надлежишь. Велико есть по Ангелъ! въ чѣмъ состоишь краснорѣчіе. Ежели ты въ одномъ пустомъ уборѣ рѣченій почиашъ: а ежели краснорѣчіе есть нѣчто болѣе, нежели обиліе однихъ словъ; и что конечно безъ познанія вещей божественныхъ и чловѣческихъ, не можетъ смершнй бытъ Витією: то не праведно ты дѣлаешъ, что шоль достохвалную вещь поруганіемъ поносишь. Ибо ты говоришь, что не должно осмавляшь другихъ важнѣйшихъ наукъ: но какія другія важнѣйшія науки? или для чего мы стараемся учиться ежели не для приобрѣтенія обилнѣйшаго краснорѣчія, и чтобъ свискавъ довольно истиннѣ знаніе, могли спосѣшествовать какъ своему, такъ и другихъ благососполяню? Ежели кто обучаешся наукамъ: то, навывкнувъ онымъ, не всеохошно ли желаетъ сообщить другому на словахъ? стремленіе къ знанію врождено отъ естества, и желаніе озваемомъ увѣдомляшь другаго. И посему кто не воспламенишь бытъ велерѣчивымъ? Сюдапо относяшся всѣ науки

и ради сей токмо причины обучаемся, дабы учинишь себя краснорѣчивыми. Ибо или ничего или очень мало сокровенное знаніе ползуетъ. Слѣдователно вѣшѣ важнѣе изъ наукъ краснорѣчія. Но ты говоришь, что хриосѣ повелѣлъ не многоглаголешствовашь. Иъ чегожѣ (скажи пожалуй) ты заключаешѣ, что сей глаголъ Господень относится къ Вѣшійству? берегись, дабы почитая себя Вѣшійевѣ врагами, не раздражилѣ ты ревностныхъ богослововѣ: ежели неправо употребляшѣ будешѣ слова Евангелскія, сіе сраженіе шебѣ не преборимо: хотня бы ты и довольно вѣ ономѣ былѣ искусенѣ. Но да возвратимся рѣчь наша шуда, ошкуда она началась. Хриосѣ богочеловѣкъ помлвушымѣ своимѣ словомѣ продолжилелныя язычниковѣ молишвы опшвергаешѣ коими они желаемое себе ошъ Бога и спросишь уповаюшѣ единшвенно. А ты аки новой истолкователь оной Хриосвой гласѣ опшносишѣ на краснорѣчіе. Ибо, ежели зло есшъ говоришь: для чего бы намѣ во всегдашнимѣ не пребывашѣ молчаншні? ежелижѣ добро: для чего дѣлая шо, нешцимся наипрекраснымѣ образомѣ учинишшь? А чрезѣ сіе самое бы не избѣжали ли мы порока пустата многоглаголешшвія, коимѣ (справедливо ты говоришѣ) всѣ почти смершныя заражены и яснымѣ и порядочнымѣ разговоромѣ не о шомѣ ли бы шолко вѣщали, что полезно и чесшно? но весма къ спашѣ о комедіаншѣ и шушѣ упомя-

мянулъ будто бы нѣчто смѣха достойное при-
 надлежало къ рѣчи: или сіе подобіе не прямою
 (какъ говоряшъ) линією мѣрено. Мнѣ ка-
 залось что ты, не имѣя, чемъ бы противоло-
 ложить ради одного шолко спору выдумалъ
 шоль не пристойное подобіе. Ибо кое сравне-
 ніе шанцовщика съ Вишійствомъ? когда онъ
 смѣшное и для диковинки нѣчто представляетъ
 и ни себѣ ни людямъ не принося ползы отъ
 всѣхъ ниско почишается, и для одного шолко
 смѣхошворства зримымъ бываетъ. А Вишій-
 ство такъ плѣняетъ и возбуждаетъ мысли
 человѣческія; и какъ насилно привлекаетъ
 ко всему полезному, такъ, что по справедливо-
 сти божественнымъ бытъ кажется. Данс-
 ташься не можешъ, чтобы кто, хотя однаж-
 ды услыша, кого либо вишійствующаго, не-
 устремилъ на него взора своего и непочелъ бы
 нѣчто въ немъ болше человѣчества. Какое
 можешъ произойти и въ самомъ зверскомъ на-
 родѣ смятеніе, коегобы, пришедши вишія не
 въ силалъ былъ укропшъ, и между врагами
 воспановишъ согласіе? что междуудобной брани
 опаснѣе? Мененіи Агриппа одною прищикою кра-
 снорѣчиво сказанною и премудро исполкованною
 разгнѣванную чернѹсмирилъ: Но съ какою бы
 удобностію онъ сіе учинилъ; ежелибы проник-
 нулъ правила вишійствованія? что? когда вся
 гредія спекалась къ слушанію демосѣеновыхъ
 и есгиновыхъ рѣчей; не почтешъ ли ты, что

сходящїеся къ нимъ греки яко къ шумамъ шолко сходились? или, когда изъ послѣднихъ вселенныхъ спранъ къ патавїнскому дивїю премноги для слушанїя приходили? не думаешь ли ты, что они краснорѣчіе его за пустошъ вмѣняли, а незачудное нѣчто и почти божественное почитали? Но все сіе, что ты изъ своего вымыслу ниговорилъ, яко неправильное такимъ образомъ удобно уничтожено. А что ты изъ павла Апостола приводилъ въ доказательство, сіе мнѣ нѣсколько дѣлаешь затрудненїя (о Сусаннѣ и Сократѣ послѣ упомянемъ) въ прочемъ же и Апостолское слово удобно рѣшишь можемъ, когда со всемъ тѣмъ Павелъ невинїйство отвергаетъ! но пощю явленїе духа и силу божїю ему предпочитаетъ: ибо признался должно, что въ началѣ православной церкви весьма нужны были чудотворенїя: когда къ истребленїю многобожїя и вкорененнаго злочестїя, недовольно было одно человѣческое краснорѣчіе безъ чудотворенїя доказывающаго что божїе то дѣло ане человѣческое. Нокогда уже къ христовой вѣрѣ обратились, тогда нужнымъ стало винїйство, которое бы слабыя и робскїя сердца день ошъ дня утверждало, праздныхъ и лѣннихъ къ шудамъ возбуждало, согрѣшающихъ исправляло, рѣвношнихъ болѣе и болѣе воспламѣняло. Почему и видѣть можно, съ какимъ искусствомъ Павелъ свидѣанїи писалъ, котораго ты починаешь презри-

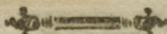
зрителемъ вишійства : когда онъ самъ былъ
 наикраснорѣчивѣйшій. О семъ , кромѣ его
 свидѣтельствуетъ и Августинъ , которой изъ-
 шество рѣчей и словъ , исуцествующее крас-
 норѣчіе въ посланіяхъ его щился показать.
 Того ради неіакимъ образомъ , какимъ ты ду-
 маешь , помянуыя Павловы слова разумѣть
 должно , дабы вѣришь , что онъ , толикимъ
 будучи одаренъ краснорѣчіемъ , уничижаетъ
 краснорѣчіе. Но онъ пишучи къ коринфяномъ
 изъ коихъ премногіе лжепророками здѣлались ,
 приводитъ толко на мысль имъ явленіе духа
 и чудеса : съ шѣмъ , дабы вспомнили , что они
 несполко проповѣдію павловою , сколько дѣйс-
 швіемъ Евангелія и чудесами во христа увѣ-
 ровали. А припомъ и изъ священнаго писанія
 нешолко неисключено краснорѣчіе ; но еще и
 очень вѣрояшно , что оно и начало ошпуда и
 мѣешъ , а наконецъ мало по мду шрудами пре-
 мудрыхъ людей возрасло. Ибо неможешъ спа-
 шься , что бы вещь божественная ошъ инуды ,
 а не ошъ божественнаго писанія получила на-
 чало : когда сверхъ того многи въ священ-
 ной библіи находимъ рѣчи , кои на еврейскимъ
 языкъ наипрекраснѣйшіи суть , и которыи и
 унасъ шакже образъ нѣкакой изрядства въ се-
 бѣ заключаютъ. А оныхъ , коихъ мы называ-
 емъ пророками , и кошыхъ я краснорѣчію ,
 чипая по Еврейски ихъ сочиненія , чрезвычайно
 удивляюсь , не другими почестъ должно , какъ

наисладчайшими вишїями, коихъ богъ избъ многихъ избралъ къ правогласїю о истиннѣ людямъ. Изъ сихъ Данїилъ видя безвиною сусанну влекомую на судъ свободилъ ея своимъ краснорѣчїемъ. И хотѣя, по мнѣнїю Амвросїеву (какъ ты представляешъ) молчанїемъ она засвидѣтельствовала свою невинность: однако ежелибы небогодуховенный гласъ простерся, никакого конечно не было препятствїя къ обвиненїю ея на недостойнѣшее мученїе. А что Сократъ, говоришъ ты, лучше погибнути восхотѣлъ; нежели лисївой спаспись рѣчью: то пустьъ будетъ такъ: но уничтожилъ ли шѣмъ самимъ онъ вишїйство? Онъ рѣчь ту почелъ, копорая можетъ бытъ не красива быка, недостойною великаго мужа, а невишїйство во вся опровергнулъ. Развѣ ты думаешъ, что тотъ, кто подложное отвергаешъ, истинное и настоящее золото пренебрегаешъ. Но что бы ты почувствовалъ о краснорѣчїи сократовомъ, копорого во всѣхъ мѣстахъ краснорѣчивѣйшимъ явственнo представляешъ Платонъ ученикъ его. И такъ ты напрасно приводилъ ея въ примѣръ. О Тракахъ же и Самурнїи и Пизиспратъ не для чего и упоминишь, вѣдая, что они безпокойнѣйшіи были граждана? Мы никого кромѣ честнаго человѣка не почитаемъ вишїею; А хотѣя часть нѣкоторую и имѣешъ кто краснорѣчїа: однако, въ рассужденїи сего шолїкая добраша порицаемоу бытъ не-

недолжна. Да и на что злые людей пороки отъ носишь къ вещи: Не вещь порочная есмь, причина лишь порочна.

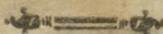
Но что ты представляешь, что законами и премудростию управляемо бываешь общество а не купно и вишійсшвомъ: то съ позволенія швоего сказать, что невесма ты оспро и правилно отъ тѣхъ вещей отдѣляешь вишійсшво, копорыя (какъ и тебѣ не безивѣстно) безъ него ни коимъ образомъ бышь немогушь. Ибо кого ты почтешъ первымъ законодавцемъ къ благосостоянію гражданства и кто обуздалъ народъ непрекословно повиноваться законамъ? Не бессмысленной ли кто ни есмь и ни мало не одаренъ краснорѣчїемъ? но какъ же споль удобно согласовашъ тому копорый, по своему невѣжеству не можешъ предшавишь ни одной причины; почему суть добрыми законы? или самовольно не просвѣщенные народъ и жаждущїи волности, законамъ яко ярму преклонилъ выю свою. Мнѣ кажется, вѣрояшнѣе что то былъ наикраснорѣчивѣйшїй человекъ копорый доказавъ для чего лучше жить купно и имѣшь хорошия законы, наикраснейшею рѣчію склонилъ сердца народныхъ и своей его волѣ заставилъ повиноватся. А когда въ общежителство собрались то поистиннѣ не менѣе краснорѣчїемъ какъ и законами управляемые бышь стали. Ибо когда разумныхъ мужей слышатъ проповѣдующихъ прав-

ду: по убѣжденный будучи ихъ краснорѣчѣемъ на всѣо полезное соглашались заблаго почиашушъ. И посему ежели бы небыло вишійства шо бы ни какихъ законовъ (уовашелно) не имѣли, припомъ отъ премудрости яко членъ ошъ шѣла не должно ошъ дѣляшъ краснорѣче оно есть частъ премудрости. И такъ ежели доблаторазумнаго надлежитъ пѣняшъся науками: шо для чегожъ кажешъ себѣ, что не до блаторазумнаго надлежитъ учишъся вишійству, копорое всѣхъ наукъ сїанемъ есть и украшенемъ. Но сколь бы способнѣе и правильнѣе градодержатели ошвращашъ могли гражданъ своихъ отъ порока и склоняшъ къ любленію добродѣтели: ежелибы съ премудростію соединяли краснорѣчѣе? что сказашъ опроверженіяхъ христовыхъ, копорымъ сколькоже нужно краснорѣчѣе какъ и знаніе божественнаго писанія? не видимъ ли мы, что ежечасно и самыя премудрыя богословы, но въ вишійствѣ не искусныя сколько не прїятно проповѣдываюшъ что привсемъ своемъ многоглаголствіи, нимадо не возбуждаюшъ слушателей: почти время въ пусыхъ и напоминанія недосшойныхъ запросахъ съ велегласіемъ шеряюшъ. Какая народу полза отъ того, что Скопусъ и его послѣдователи вымышляли? что самое слыша люди не только не наимаѣйше не воспаменяюшъ къ благочестію; но и совсемъ холодными дѣлаюшъся къ вещамъ божественнымъ. И по-

шо-

тому сколькобы полезно было, послѣ священ-
 ной науки всѣ свои силы употребляшь въ ви-
 шній свѣтъ и оставивъ во вся мудрованіе діа-
 лектическое, въ коемъ аки въ сиренскихъ
 островахъ, жизнь спою оканчивають, такое
 чрезъ трудъ присобрѣсти краснорѣчіе; чрезъ
 которое можно преобразашъ, склоняшъ привле-
 кашъ и восхищашъ человѣческіе нравы къ на-
 блюденію честности; а мерскія пороки оприцашъ
 опровергашъ истребляшъ, искореняшъ? Повин-
 нымъ будущее ихъ наказаніе предлагашъ предъ
 очи ихъ, угрозами въ страхъ приводишъ, жи-
 лице преисподнихъ отверзашъ, терзаніе, му-
 ченіе, и казнь за злодѣйство живо предснав-
 ляшъ. А добродѣтель, яко достойно и пра-
 ведно, до небесъ превозносишъ, ея воздаяніе,
 красоту, безсмертіе славу и блаженство такъ
 на словахъ изображашъ дабы смущашели чу-
 днымъ образомъ къ ней воспламенялись, Болѣз-
 новамъ оней, спрашились, надѣялись! о напѣ-
 рсно смраченномъ времени сожалѣли; а впрѣдъ
 поисивши пламень спрасшей, все свое стрем-
 леніе къ единой бы возъмѣли добродѣтели.
 Чшо всю ежели кшо наиприльжнейше испол-
 няшъ будешъ: шо какую ревность возбудишъ
 къ честности? какой удивительный любви
 огонь внутри смертныхъ возжешъ къ добродѣ-
 телю? коль удобно пороки яко дымъ исчез-
 нушъ? чистѣйшій жаръ воспламенишся къ доб-
 родѣтели! Но времени мнѣ не досцаешъ, еже-
 ли

ли все плоды вишійснва изЪяснятъ. ВидишѢ уповашельно, ежели видѢшь хочешѢ колико полезно есть вишійснво. Но меня короткость времени (ибо уже смеркается) заставляетъ умолчать: а впредѢ: ежели шы шакого своего мнѣнія не оставишь: гораздо я пространнѣйшую и обильнѣйшую имѢю предложитъ рѣчь. Здѣсь разсмѣялся АнгелѢ и сказалѢ: сверхѢ чаянїя сего дня видимѢ мы Прима не взаимно вишійснвующимѢ. Чшо ежелибы онѢ изгнпвившись сюда пришелѢ? что ежели паки случитися говоришь о вишійснвѢ? Но ненадобно: ибо уже я на швое мнѣнїе совсемѢ сконился. По сихѢ словахѢ нѣсколко спустя разошлись.

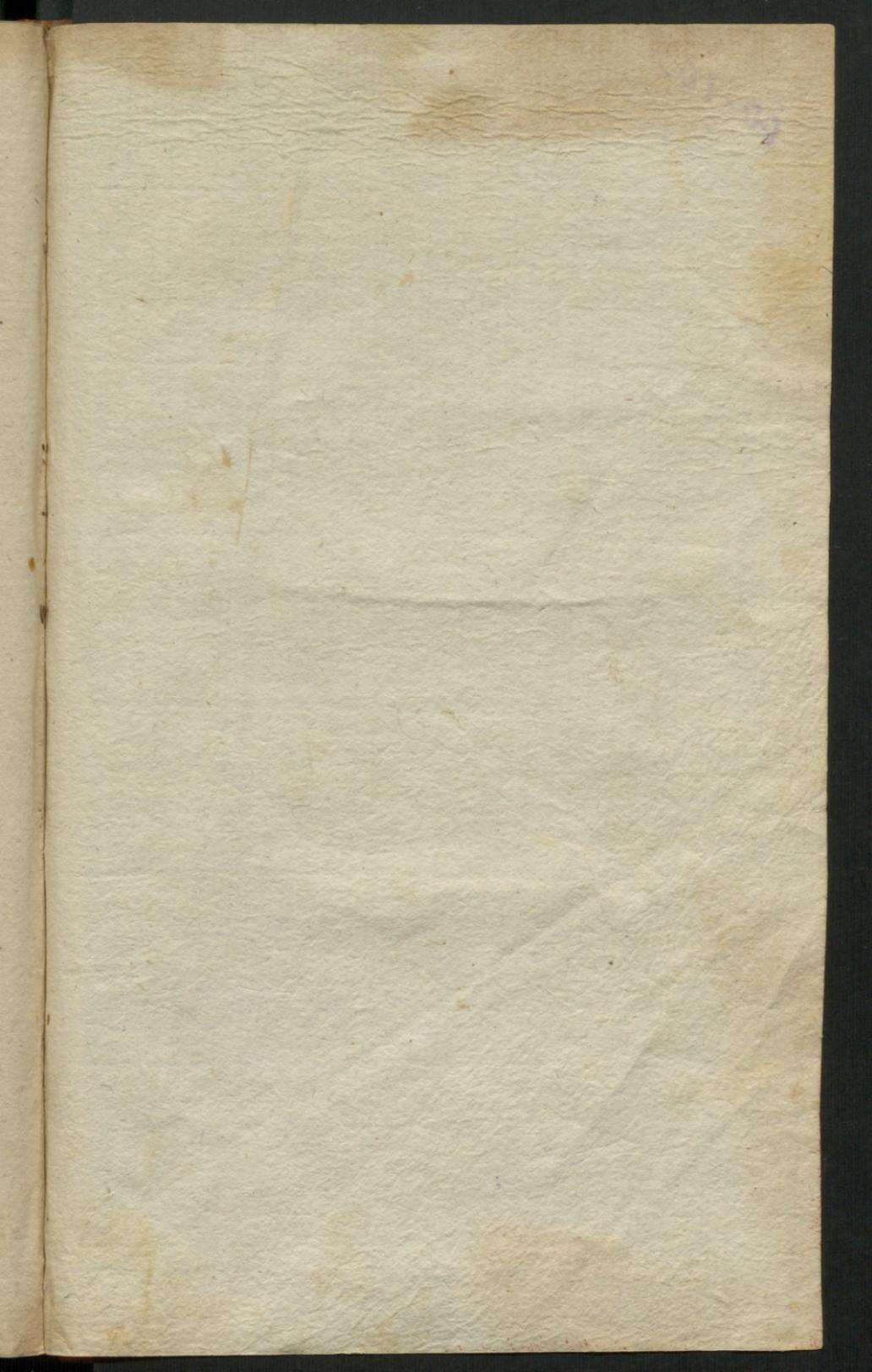
К О Н Е Ц Ъ .

Скуны ради троїттемь
 пополамъ совнїтес
 нїемъ. 17. 30. декабря
 20. 75. Сла

БИБЛИОТЕКА	
Шифр	Инт.
	48071
Облнвн. у. д. р. Прнчнвандлстел	
г. Свердловск	

4
 445

99-10-

